

Сергей Петрович Мельгунов

Из истории студенческих обществ в русских университетах

Сергей Петрович Мельгунов

Желание выработать цельное мировоззрение, связав теоретические знания с практическими выводами в единую систему, – совершенно естественно и почтенно. Такое желание в последнее время заметно пробуждается среди учащейся молодёжи в России. Конечно, от желания до его осуществления далеко, и идеал далеко не совпадает с действительностью. Помочь разобраться в этих исканиях и найти подходящие средства для осуществления поставленной цели может исторический взгляд на вопрос, составляющий главную задачу настоящей статьи.

Когда впервые при Академии Наук в 1726 г. был открыт «университет», условия для его существования были крайне неблагоприятны: общественное самосознание стояло ещё на слишком низком уровне, и в обществе ещё не созрела потребность в образовании – наука нуждалась в искусственном покровительстве. В первые годы вновь открытый университет существовал скорее только на бумаге. К его открытию из-за границы съехалось 17 профессоров, но студентов, чтобы слушать лекции, не оказалось – их пришлось, в количестве восьми человек также по «контракту», выписать вместе с профессорами. Вскоре, однако, лучшие члены Академии разбежались – слишком тяжело было иностранцам находиться под гнётом русского бюрократизма, встречая при этом национальный антагонизм от своих русских братьев, и по целым годам не получая жалованья (*Икон. IX, стр. 167*): они должны были искать работы на стороне или быть на побегушках у знатных вельмож, исполняя их «поручения». Естественно, что при таких условиях «университет», как и сама Академия наук, влачил самое жалкое существование, не имея почти никакого образовательного влияния. Лекции в «академическом университете» читались не систематично и далеко не всегда – бывало и так, что некому даже было слушать лекций, например, в 1732 г. в «университете» состояло всего несколько студентов-иностранцев, да и те «за неимением книг и с учёными людьми обхождения» уехали восвояси. С

тех пор лекции совсем прекратились.

Через шесть лет была сделана попытка организовать правильное преподавание, но и то лекции возобновились далеко не по всем предметам. С целью развить деятельность академического университета, по новому уставу 1747 г. были учреждены казенные стипендии для набора студентов из шляхетского корпуса и духовных заведений, «дабы – как говорилось в уставе – профессора никогда не были праздны и тем отговаривались, что у них нет учеников». Насколько успешна была деятельность академического университета, видно уже из того, что только в 1753 г., т. е. почти через двадцать лет после его открытия, состоялся первый выпуск – из двадцати воспитанников окончили курс лишь девять, – а через четыре года официально заявляется, что «от давнего уже времени ни один профессор в Университете лекции не читал». Вступивший в 1758 г. в заведывание Академией Ломоносов находил, что «при Академии наук не токмо настоящего Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно» (*Милюк. Энцикл. Сл., стр. 788*).

Профессора, по свидетельству Ломоносова, перестали посещать ученые собрания; Академия наук потеряла «ученую цель» и стала заниматься переводами сказок для охотников посмеяться и т. д. Составу преподавателей соответствовал и контингент учеников. Большинство получающих высшее образование не соответствовало своему назначению «ни по понятиям, ни по поведению», так как оно набиралось главным образом для «пополнения штата», преимущественно «из самой подлости», как образно выражались современники. И вот эти ученики, взятые «из подлости», не только не имели необходимой книги, но даже не имели одежды, ни пищи, ходили босиком (*Икон. Ibid., стр.193–201*) и нередко путём только милостыни находили себе средства для пропитания; немудрено, что при таких условиях они так мало интересовались наукой, что в 1765 г. из 18 студентов, бывших в то время в «университете», половина «вышла в отставку, объявив, что, не имея складности более обучаться наукам, просят, чтобы их из Университета выключить и распределить по должностям». Вскоре в «университете» осталось только два студента, незнакомых притом с иностранными языками, на которых читались лекции, преимущественно на латинском. На следующий год последовало закрытие академического университета.

В это время начинал свою жизнь старейший русский университет – Московский, открытый «для учения высшим наукам желающим дворянам и для генерального обучения разночинцев». Условия академической жизни в первые годы не улучшились, кафедры пустовали, например, на

юридическом факультете читал один профессор Дильтей, правда, ученик инсбрукского, страсбургского и венского университетов, но, очевидно, с горя, предававшийся «безграничному пьянству», а медицинский факультет олицетворял собою проф. Кирстенс (анатомия на *медицинском* факультете читалась лишь в теории); профессора и учителя по месяцам не получали жалованья, а ученики по-прежнему терпели нужду в пище и одежде (*Шев.*, стр. 64–68), а «голодное брюхо ко всякому учению глухо», как говорит русская пословица. Таким образом, преподавание шло не лучше, чем в академическом университете – лекции читались в течение 30–40 дней в году; число студентов было столь незначительно, что иногда целый факультет состоял из одного слушателя. В науках эти ученики были не особенно сведущи: «учителя пьяницы, а ученики самые подлые поступки имеют» – так отзывался о тогдашнем положении университета один из современников. Вот, между прочим, как характеризует в то время Московский университет Фонвизин: учитель латинского языка – пример «злонравия, пьянства и всех подлых пороков», «арифметический» учитель пил «смертную чашу» и т. д.

Университет не получил, как о том мечтал Ломоносов, «вольностей лейденского и других иностранных университетов», но положение его в царствование Екатерины II всё же значительно изменилось. Являясь сама проповедницей в России просветительных идей эпохи энциклопедистов, горячей поклонницей, по крайней мере, в своих сочинениях, Вольтера, Монтескье, Дидро, – Екатерина, понимая важное значение науки и необходимость просвещения для государственной жизни, благоприятствовала развитию университетов.

Университетская жизнь с наступлением более широкого влияния западноевропейской науки стала быстро развиваться. Прежде всего, университетские кадры наполняются молодыми людьми, прослушавшими курс в заграничных университетах и серьёзно относящимися к науке; возникают учёные общества, которые ставят своей задачей развитие русской науки, университет становится не только образовательным и воспитательным учреждением – рассадником просвещения, но и умственным центром русской жизни; около него развивается главным образом литературная деятельность, которая в первую половину царствования Екатерины приняла такие широкие размеры. В этой просветительной работе русских университетов ближайшее участие принимали и студенты, из которых вербуются литературные силы для журналов и, которые нередко сами являются их издателями. Ещё в бытность академического университета правительство стремилось

привлечь молодёжь высших учебных заведений к участию в просветительной деятельности: рекомендуя, например, указом 1748 года Академии «переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию нравоучением» (*Мил. Оч. III*, с. 228), оно приглашало молодёжь заняться переводами, поощряя желающих выдачей в виде гонорара 100 экземпляров перевода; в первом русском журнале, издававшемся Миллером при Академии, «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» (1755–64 гг.), немногочисленные слушатели, собиравшиеся в академическом университете, даже *обязаны* были сотрудничать, получая за это жалованье 100–150 р. в год. Попытки правительства привлечь молодёжь к культурной работе до известной степени увенчались успехом, вызвав «к деятельности целый кружок добровольных сотрудников» из воспитанников шляхетского корпуса (Сумароков, Херасков), основавших своего рода «общество любителей российской словесности» и печатавших свои литературные произведения в «Ежемесячных сочинениях» (*Мил. Ib.* с. 238). Эта молодёжь стала вскоре издавать свой собственный журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1759–60), а один из наиболее видных представителей кружка (Херасков) перенес свою литературную деятельность в Москву, где при сотрудничестве студентов университета стал издавать журнал «Полезное увеселение»; сотрудники Хераскова – студенты в свою очередь выступили вскоре, как издатели новых журналов. В 1762 г. проф. Рейхель предпринимает периодическое издание, выходившее четыре раза в год, «Собрание лучших сочинений к распространению знания и произведению удовольствия или смешанная библиотека о разных физических, экономических и до мануфактур и коммерции принадлежащих их вещах», – и в этом издании переводами занимались преимущественно студенты. Позже ряд журналов знаменитого Новикова, бывшего средоточием литературной деятельности университета, составлялся трудами студентов.

В это же время возникает при университете и первая научная студенческая организация, зародыш которой лежит в публичных диспутах, которые студенты должны были вести, по уставу университета, под руководством профессоров. Эти «публичные диспуты» начались с первых же лет деятельности Московского университета – в 1757 году. В конце каждого месяца в последнюю субботу студенты должны были держать между собою private диспуты на тезисы, за три дня им объявленные, а в конце полугодия диспуты совершались публично. Для образца этих публичных диспутов мы приведём одно характерное положение из

диспута студентов по естественному праву в 1758 г., седьмой тезис (всех было 16) которого гласил: «Совесть есть или предыдущая, или последующая, или достоверная, или вероятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или бесчувственная» (*Биограф. Сл.*, стр. 303). Как удавалось студентам это доказать, – ответить довольно трудно! Речи студентов произносились на латинском языке, а потом переводились на русский, и наиболее удачные работы студентов на «публичных диспутах» печатались, наконец, в журналах. Уже в 1761 г. возникла мысль придать более правильную организацию «упражнениям студентов по разным отраслям наук и переводов, которыми могли они снабжать периодическое университетское издание»...

С этой целью проф. Рейхель, издававший в указанное время, как мы уже знаем, это «периодическое университетское издание», предварительно завёл у себя «маленькие собрания в воскресные дни по утрам для чтения из четырёх подростков"... Мысль организовать студентов для более успешной их научной и просветительной деятельности приняла реальную форму только через двадцать лет: в 1781 г. проф. Шварцу – сотруднику Новикова, удалось основать «Собрание университетских питомцев для упражнения в сочинениях и переводах» и в следующем году специальной «переводческой семинарии», превратившейся в своего рода литературный кружок. Членами Собрания могли быть магистры, бакалавры словесных наук и старшие студенты, которых «принимали по выбору» (*Шев. Ib. c. 270*). Первым председателем Собрания был студент М. И. Антоновский. Заседания происходили по субботам. Вот как описывает их один из современников. Заседание открывалось краткою речью или рассуждением очередного оратора из членов с ведома председателя. Затем другие читали стихи, прозу, изящные переводы, рецензии. Всё читаемое обсуждалось подробно и искренно. Высказывались суждения о новых книгах, мнения о языке и словесности; случались споры, сыпались остроты, но всё «благородно и прилично» (*Тимков., стр. 272*). Деятельность «Собрания» процветала особенно в первое время, когда при университете было учреждено знаменитое «Дружеское ученое Общество» (тем же Шварцом в 1787 г.), взявшее под своё покровительство молодое «Собрание»: в это время Новиков, как мы говорили выше, пригласил студентов-членов «Собрания» принять участие в «благородном подвиге» – сотрудничать в его журнале «Утренний свет» и в сменивших последний «Вечерняя заря» (1782 г.), и «Покоющемся Трудолюбце» (1784 г.). (*Шев., стр. 259*). Как и «Дружеское ученое Общество», Собрание университетских питомцев приняло под влиянием

своего идейного руководителя Шварца, одного из представителей Екатеринбургского масонства, проникнутого духом мистицизма, моралистический характер.

Деятельность Собрания университетских питомцев вызвала целый ряд подражаний – так, питомцы вольного благородного пансиона (учреждённого при университете в 1778 г.), издали в 1787 г. собрание своих сочинений под заглавием «Распускающийся цветок» и несколько позднее, в 1789 г., «Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах». Вскоре вольный благородный пансион был отделён совершенно от университета, и по примеру «Собрания» в 1789 г. возникло при пансионе самостоятельное литературное Общество. «Закон» собрания воспитанников университетского благородного пансиона так определил задачу Общества: цель Общества – «исправление сердца, очищение ума и вообще обработка вкуса». В члены Общества (§ 2) принимались только те воспитанники, которые отличались «примерным поведением, тихим нравом, послушанием и прилежанием к наукам». Члены выбирали себе председателя. В каждом заседании (§ 5) члены читают по очереди речи на русском языке о нравственных предметах, разбирают критически собственные свои сочинения, судят о примечательнейших происшествиях исторических. Собрание (§ 6) соблюдает возможную благопристойность в поступках, разговорах, *взорах*, в наружном виде. Всякое пристрастие должно быть совершенно изгнано. Члены Общества должны хранить ненарушимое молчание о заседаниях. Общество может печатать свои труды и с удовольствием и благодарностью принимает работы «сторонних» (§ 12). Между прочим, оно поставило себе целью изучение «российского практического законоискусства», для чего ставило «судопроизводные драмы», где фигурировали истцы, ответчики, свидетели, прокуроры и т.д. (Сушк., стр. 42). В процитированном уставе Общества, возникшего при *благородном* пансионе, заметно проявился характер привилегированного заведения в целом ряде постановлений о благопристойности во *взорах* и т. д., и надо заметить, что эта сословная рознь – деление на привилегированных и разночинцев – значительно препятствовала объединению студенческой среды и вредила развитию университетов в период, когда наступила реакция, враждебно относящаяся к науке и к тем разночинцам, которые ей посвящают свои силы. К сожалению, это сословное разделение было ещё слишком заметно в XVIII столетии, как в гимназиях, так и в университете, хотя при открытии последнего, как мы видели, сословные интересы не были приняты во внимание. Несмотря на то, что в Общество при благородном пансионе

принимались лишь более благонравные воспитанники «по наружному виду», деятельность его оставила самые лучшие воспоминания у современников – здесь развивался, между прочим, талант «певца в стане русских воинов» (Жуковского).

По примеру «Собрания питомцев Московского университета» возникает мысль устроить аналогичный кружок и в Петербурге в кругу воспитанников главного народного училища, пользовавшегося, в сущности, правами университета. Кружок организовался, и в 1785 г. ему было разрешено издавать периодический сборник «Растущий виноград» (Сухомл., т. I, с. 123). Кружок выпустил в течение двух лет (1785–87 гг.) 24 книжки, в которых помещались мелкие стихотворения, статьи – оригинальные и переводные – исторического и историко-литературного характера.

Таковы небогатые сведения, почерпнутые нами о деятельности существовавших при Екатерине II студенческих обществ.

Но не успело ещё русское просвещение и русская молодая наука окрепнуть, как в общем направлении русской политической жизни наступила реакция, затормозившая развитие свободной науки и просветительской деятельности университетов. Ближайшим поводом к этой реакции были западноевропейские события и опасения перед революцией. Русская журналистика, откликавшаяся прежде на самые настоятельные общественные нужды и затрагивавшая самые больные места существующего общественного строя, к концу XVIII века теряет всякое руководящее значение в общественной жизни и существует только «для забавы охотников посмеяться». Причина такой реакции заключалась, конечно, в особенностях социального строя, отличавшегося преобладанием сословности и крепостничества, и в происходящем отсюда низком уровне культуры.

Правление, непосредственно следовавшее за царствованием Екатерины, было ещё более неблагоприятно для развития науки и самодеятельности университетской корпорации. Вступив на престол с обширным запасом преобразовательных программ, император Павел поставил своею целью противодействовать «всему, что делалось прежним правительством» (Ключ., стр. 207), но как не силён был у Павла антагонизм к деятельности Екатерины, как ни старался Павел переделать по-своему всё, что было сделано его матерью, как ни менял он усиленно всё Екатерининское, – его царствование было органически связано с предшествующей эпохой и являлось лишь развитием и окончательным завершением последних лет правления Екатерины.

С вступлением на престол молодого императора Александра I новые веяния проникли в общественную жизнь – это было время подъёма общественного духа и возрождения русской жизни. Окружённый молодыми сотрудниками, воспитанными в духе гуманных идей просветительной французской философии 3. Европы, искренно, по-видимому, убеждённый в необходимости существенных коренных реформ для «преобразования безобразного здания империи», думавший только о благе отечества и горячо отдававшийся на первых порах своему делу, император вступил в жизнь с широкими преобразовательными предначертаниями и решил преобразовать заново государство «в истинном народном духе» и согласно господствовавшим в то время либеральным идеям. Реформа должна была коснуться всех сторон существующего социального и политического строя и прежде всего учебного дела, в развитии которого видели залог для успеха проектируемых преобразований. Учебная часть была впервые сосредоточена в центральном органе – министерстве народного просвещения, для университетов была введена германская автономная система (устав 1804 г.), которая была слита с организацией среднего образования, что было особенно важно в виду слабой подготовки, которую получали студенты в гимназиях.

В первые годы царствования Александра были открыты университеты в Петербурге, Казани, Харькове, Вильне и лицеи в Одессе, Нежине и Ярославле. По уставу 1804 г. университет рассматривается, «как ученое учреждение», основанное на выборном начале, – ему предоставлена была широкая гражданская и уголовная юрисдикция над академической корпорацией, собственная цензура и т. д. Однако и при автономном уставе университеты на первых порах не могли достигнуть процветания – этому препятствовала масса побочных обстоятельств.

Медленно уступала старая учебная администрация новым порядкам, благодаря чему в академической жизни университетов возникали роковые противоречия, тормозившие успех. Университеты страдали от недостатка профессоров, что не могло благоприятно отзываться на положении науки: например, в Московском университете «астрономия читалась только в теории», в Казанском университете столь разнородные предметы, как древняя литература и математика, читались одним профессором, история читалась по книге, изданной для народных училищ (*Икон.* X, стр. 538) – тогда ещё был в ходу учебник русской истории, составленный в XVII веке, так называемый «Синописис», и т. д. Также бедны были и образовательные средства: библиотека старейшего университета Московского, например,

находилась в таком скудном состоянии, что «университет лишен был этого единственного способа соразмерять свои успехи с распространением наук в Европе» (*Икон. X*, стр. 531). Другой причиной низкого уровня преподавания была чрезвычайно слабая подготовка, с которой поступали студенты в университеты. Большинство преподавателей были иностранцы, которые читали лекции на латинском, французском и немецком языках, а слушатели почти не владели этими языками. Вследствие этого, профессорам приходилось тратить почти всё время на подготовку слушателей к занятиям, т. е. проходить гимназический курс наук в собственном смысле слова, а между тем большинство студентов ограничивалось именно только «приготовительным курсом», в очень редких случаях доходя до «специальных» факультетских занятий (*Мил. "Очер.", т. II*, стр. 312). Причина этого лежала в самом составе университетских питомцев. Мы уже указывали выше, что, благодаря сословному характеру русского общественного устройства в конце XVIII века, у нас организовались сословные школы, которые нередко, как, например, Московский благородный пансион, соперничали с университетом. Несмотря на то, что при учреждении университетов совершенно исключалась сословная организация, и путь к просвещению был открыт каждому, «лишь бы желающий был человек, имеющий неповрежденный ум», в университеты шли почти исключительно те, которые рассчитывали получить незавидное место учителя средней школы – в этом состояла, между прочим, одна из главных задач университета: он должен был служить рассадником преподавателей для средне-учебных заведений. Сословные предрассудки были ещё настолько сильны, что дворянство предпочитало отдавать своих детей в военные заведения или воспитывать их за границей не желая, чтобы дворянские дети «встречались с разночинцами и чернью» (*Икон. X*, стр. 546). Естественно, что при таких условиях благородные пансионы были переполнены, а университетские лекции не находили слушателей: чтобы поднять университеты, приходилось прибегать к казённым стипендиям, искать желающих учиться в университетах, привлекая туда слушателей перспективами различных льгот, например, для «взявшего побуждения» окончившим в университетах полный приготовительный курс, выдавать шпаги и т. д. (*Залес.*, стр. 263). Тем не менее, численность студентов в университетах в первое десятилетие была чрезвычайно ничтожна – за исключением Московского, всего несколько десятков, да и то большинство из них проходило лишь «упрощенные курсы», образованные для чиновников (*Аксак.*, стр. 167). Немудрено, что и современники смотрели крайне

пессимистично на будущее университетов, сомневаясь, чтобы существование их было бы полезно для России. «Миллионы на университеты убиты только для казны», говорит Карамзин в «Записке о старой и новой Руси», «у нас нет охотников для высших наук, мы не нуждаемся в них». Поддерживать университеты, по мнению Карамзина, значит «пускать пыль в глаза». Совершенно такого же мнения держится относительно университетов и другой современник (Кочубей в письме к Сперанскому), который пишет: «Не университеты нам нужны, когда некому в них учиться"...

Соответственно уровню преподавания находился и умственный уровень молодёжи, которая «смотрела на занятия, как на ступень к высшим чинам по службе», нисколько не интересуясь самой наукой, что конечно, являлось непреодолимым препятствием для развития самостоятельности студенческой среды.

Когда первые же годы практики обнаружили, что ни приглашение иностранных профессоров, ни выучка в России своих кандидатов на профессорские кафедры не дают возможности солидно обставить университетское преподавание, тогда была применена другая мера – посылка русских стипендиатов, наиболее способных студентов за границу для приготовления к профессорскому званию (впервые в 1808 г.). Эта мера, как мы видим ниже, сыграла впоследствии огромную роль – дала возможность университетам в период наступившей усиленной реакции достигнуть значительной высоты. Возникшая таким образом тесная связь с западноевропейской жизнью способствовала пробуждению русской жизни, глубоко повлияла на умы и ознаменовалась возрождением, как русской литературы, так и благотворным подъёмом общественного духа. Нарождалось то молодое поколение, которому впоследствии пришлось играть столь видную роль в общественных движениях второй половины царствования императора Александра I.

И вот в то время, когда русское общество снова стало попадать под влияния западноевропейских идей, мы встречаемся с любопытным фактом: юные студенты Московского университета вступают в борьбу с господствующей там рутиной и решаются образовать по собственной инициативе независимый и свободный университет. Это умственное течение в студенческой среде проявляется, прежде всего, в области математических наук под влиянием возрождения последних на Западе – во Франции, где труды великих математиков Лагранжа, Лапласа, Лакруа и др. коренным образом изменили систему и характер самого преподавания математических наук. Университетская молодёжь не удовлетворяется

«старинными программами своих старых профессоров» и решается создать специальный кружок для самостоятельных занятий по математике. Так возникает в 1810 г. по инициативе четырнадцатилетнего студента М. Н. Муравьева при Московском университете «Общество математиков» (*Кронот.*, стр. 56). Устав Общества получает Высочайшее утверждение. Народившееся Общество состояло из студентов и кандидатов университета и ставило своей целью «распространение математических знаний посредством сочинений, переводов полезных книг и преподавания». Председателем Общества был избран отец инициатора дела полковник Муравьёв. Так как математический факультет университета отказал новому Обществу в помещении, то Муравьёв-отец предоставил помещение для заседаний Общества в своей квартире и снабдил его необходимыми учебными пособиями. При открытии Общества председатель высказался в том смысле, что «прежде чем приступить к изданию математических сочинений, надо позаботиться о подготовке людей, способных пользоваться подобными сочинениями». Соглашаясь с этим, Общество решило обратить главное внимание на устройство публичных лекций и таким образом, отвечая существующим потребностям, превратилось из «ученого» в «учебное» – в свободный университет, образовав специальное математическое отделение. Доступ к слушанию лекций был открыт бесплатно всем желающим, но с обязательством «к исправному посещению избранных лекций, к сохранению в классе молчания, уважения к лектору и рачительного отношения к делу» (в противном случае виновнику угрожало исключение). Лекторами выступали сами студенты: ст. Терюхов преподавал алгебру, Щепкин – геометрию и тригонометрию по руководствам лучших новейших писателей, аналитическую геометрию (она не входила в курс университетского преподавания) – сам инициатор, Муравьёв. Наряду с преподаванием лектора занимались и переводами: так, между прочим, Муравьёв перевёл арифметику и геометрию Лакруа и пр. Общество, с первых же своих шагов, вызвало сочувствие в публике – число слушателей простиралось от 20 до 50 человек, в числе его почетных членов находились, между прочим, и придворные – лица из свиты государя, сам Александр I выражал благоволение своё деятельности Общества (Н.Н. Муравьёв получил от государя в благодарность за помощь, оказанную Обществу, подарок в виде бриллиантового перстня). Обществу, однако, пришлось существовать недолго – Отечественная война положила конец систематическим занятиям.

В 1816 г. Общество возобновило свои занятия, но уже не в качестве «Общества математиков», а в виде учебного заведения для

колонновожатых – в этом знаменитом училище, просуществовавшем до 1823 г., за недолгий период его жизни получило образование 180 молодых людей. Существовая частными средствами, но пользуясь правами казённого заведения, «это замечательное учреждение», по словам Пьпина (стр. 422) «было одним из лучших выражений того общественного духа, который пробуждается в русском обществе времён Императора Александра. Оно доставляло своим воспитанникам основательные знания и вместе с тем давало им нравственное содержание, развивало в них сознательную и вместе идеальную любовь к отечеству и ревностное желание служить его благу».

Здесь учились Никита Муравьёв, Бурцов, кн. В. С. Голицын, Басаргин, Колошин, двое кн. Трубецких, Мухановы и т. д.

Наряду с указанным обществом математиков в первую половину царствования Александра I возникают студенческие научные общества и при других университетах. Устав 1804 г. требовал, чтобы университет сближался с обществом и развивал бы такую учёно-литературную деятельность, в которой могло бы принимать участие и общество – этому должно было содействовать открытие учёных обществ и раздача премий за лучшие сочинения на заданные университетские темы. Уставом требовалось не только сближение университетов с обществом, но и установление тесной связи между профессорами и студентами путём устройства научных бесед, где профессора обязаны были исправлять «суждения студентов и самый образ их выражения и приучать их основательно и свободно изменять свои мысли» (Булич, «Очерки», т. I, стр. 45). При университетах, согласно требованиям устава, возникает целый ряд учёных обществ, на заседания которых допускаются с разрешения декана некоторые «из отличнейших студентов», напр., открытое 1804 г. при Московском университете Общество истории и древностей российских, и в 1805 г. Общество медицинских и физических наук.

Но первые годы царствования Александра, как было указано выше, не были, в общем, благоприятны для развития научной деятельности университетов, а тем более для развития студенческой самодеятельности. Свобода преподавания сама собой отпадала в виду недостатка ученых сил, свобода слушания и занятий – в виду недоверия к самодеятельности студентов. Студенческая среда по уставу 1804 г. не получает того корпоративного устройства, той автономии, которой достиг преподавательский персонал. Студенты, согласно первым студенческим правилам, находятся в строгом подчинении у начальства, и жизнь их до мелочей регламентируется уставом: на ночь казеннокоштные

воспитанники «должны быть запираемы»; определяется далее, что студенты могут тратить на те или другие свои нужды, определяется отношение к товарищам – под опасением быть заключённым под стражу запрещалось подсмеиваться и давать прозвища и т. д. (*Рус. Вед.* 1902 г., № 343). С пробуждением общественного мнения и самодеятельности, особенно под влиянием близкого знакомства после двенадцатого года с жизнью западноевропейского общества, мы встречаемся, однако с крутым переломом в русской жизни, который знаменуется усиленным подъёмом общественного духа.

Первая четверть XIX века становится «классическим временем» всякого рода обществ и кружков; во всех слоях общества мы встречаемся со стремленьем «действовать совместно и собрать однородные силы» для работы. В период всеобщих исканий и возбуждения умов создаются всевозможные военные, литературные, филантропические, масонские и политические общества: одни ищут нравственно-общественной деятельности в тайных и полутайных масонских ложах, другие в учёных и литературных кружках (*Пыл.*, стр. 383–384). В это время мы встречаемся с целым рядом литературных кружков самых разнообразных направлений: около Державина группируются «литературные старожилы старой классической школы» и образуют в 1811 г. Общество под названием «Беседа»; сентиментальная школа создаёт знаменитое Общество «Арзамас» (1815–18 гг. – Карамзин), и, наконец, молодое либеральное поколение создаёт «Вольное Общество любителей словесности или Соревнователей просвещения и благотворения», которое является уже не частным кружком, как предыдущие, а получает официальное утверждение (*Пыл.*, стр. 403).

Это всеобщее оживление умственной деятельности отозвалось и на университетах, – и не на одном только Московском, где студенты, недовольные отсталым характером преподавания, как мы видели, образовали «Общество» математиков; пробуждение студенческой жизни сказывается и в провинциальных университетах. В Казанском университете студенты обращаются с просьбой к начальству, чтобы «им положено было читать особые лекции для ознакомления их с общими энциклопедическими понятиями о науках» (*Университ. Известия Казанск. универ.* 1875 г., № 2, с. 252). В целях самообразования среди тех же студентов Казанского университета и нескольких учителей первого выпуска возникает литературное общество под названием «Общество вольных упражнений», в котором близкое участие принимал автор «Семейной Хроники» Сергей Аксаков. «Общество вольных упражнений»

явилось прообразом будущего «Казанского Общества любителей отечественной словесности"... В 1815 г. для «поощрения студентов к занятиям» Чарторьжским было учреждено в Кременецком лицее «Общество для усовершенствования в авторстве и ораторстве». Председателем этого Общества *назначался* ученик, получивший в предшествующем году золотую медаль, а членами – ученики, получившие медали или награду на 2-ом или 3-м курсе. Таким образом, состав Общества был ограничен. Впрочем, Общество могло приглашать в члены и других, «отличившихся в сочинениях, но не иначе, как единогласно». Всякий другой, желающий вступить в товарищество, «должен был представить какое-либо сочинение под девизом и в запечатанном конверте свое имя». В случае признания сочинения годным, Общество представляло его «на рассмотрении подлежащему учителю», если последний одобрял его, то председатель извещал конкурента, что он принят членом. Заседания Общества были как частные, так и публичные – и те и другие должны происходить не менее трёх раз в год. Частное собрание происходило за три недели до публичного: на нём устанавливалось, какие работы должны быть представлены к публичному заседанию. Сочинения членов подлежали цензуре учителей, предмета, которых касалось рассуждение, и не должны были заключать ничего противного религии, нравственности и правительству. Ученик, который прочитал бы вычеркнутые места, исключался из членов Общества, Впрочем, с правом быть избранным на следующий год; обстановка заседаний была такая: «По прочтении реферата в заседании, председатель спрашивал, не желает ли кто возражать. По окончании всех рефератов присутствующие учителя решали посредством тайной подачи голосов, какой из них признается наилучшим. Такой реферат записывался дословно в протокол для напечатания, в проектируемом в Кременце для издания журнале и мог быть вторично прочитан на публичном акте» (*Владим.-Буд.*, стр. 67).

Аналогичное общество возникает в начале 1819 г. и при Харьковском университете – «Общество студентов любителей отечественной словесности», устраивавшее еженедельные собрания под председательством студента А. Склабовского (впоследствии был профессором Харьковского университета) и под руководством профессоров (*Сух.*, стр. 123). Членов в Обществе было восемь, и при этом составе оно выпустило первый том своих «трудов», где помещались проза, стихи и нравственно-назидательные статьи и переводы; несколько времени спустя при том же университете организовалось студенческое сотоварищество любителей науки, которые составили свой философский

факультет. Начало указанных обществ надо видеть в литературных работах студентов Харьковского университета, которые начались ещё несколько лет ранее учреждения этих обществ, а именно с 1805 г., когда студенты-любители отечественной словесности стали впервые печатать свои литературные труды. Инициатива в этом деле принадлежит нескольким профессорам, которые, с целью познакомить общество с наукой, стали издавать периодические издания и заводить при университетах литературные собрания (Булич. «Очерки», т. I, стр. 52). Как бы ничтожна ни казалась нам первоначальная роль этой периодической печати в провинции и литературных кружков, она имела огромное значение на развитие просветительной и научной деятельности университетов, в чём мы наглядно можем убедиться на примере Харьковского университета: в течение первого десятилетия существования Харьковского университета (с 1805–1815 гг.) из типографии университета вышло 210 сочинений, что составляло почти 1/12 часть того, что произвело в это время книгопечатание во всей России; из этих 210-ти сочинений 90 принадлежало профессорам, а 16 перу студентов (Сухомл. Ib., стр. 124). Студенты помещали свои работы преимущественно в издававшемся при университете (1809–10 гг.) «Периодическом сочинении о успехах народного просвещения» (Багaley, стр. 830–35). В 1811 г. вышел в свет целый сборник студенческих работ под заглавием «Сочинения воспитанников войска Донского в Императорском Харьковском университете». Сборник, изданный студентами Гречановским и Кондратьевым, был исключительно посвящён описанию «местопребывания и свойств казаков войска Донского»: авторы в стихах воспевали донских осетров – «князь рыбий вод тихого Дона, красавец осетр молодой» (Рудаков, стр. 150). Это стремление молодого поколения к литературной деятельности нашло сочувственную поддержку в возникшем при университете в 1812 г. «Обществе наук», которое образовало два отделения: словесное и естественное. В трудах Общества принимали участие студенты и вольнослушатели университета, читая свои сочинения и переводы в заседаниях преимущественно словесного отделения. Эти сочинения студентов и вольнослушателей Императорского Харьковского университета появились в 1817 г. в печати – большинство помещённых здесь статей были написаны на отвлечённые темы, представляя из себя рассуждения философского содержания: о развитии нравственного чувства, о любви к отечеству, мысли об истине и предрассудках, об истинном счастье и т. д., впрочем, встречаются и такие статьи, как например, «Сравнение Русской Правды с Судебниками» студента

Несторовского... По примеру харьковских студентов открыли «содружество» под названием «Общества соревнователей отечественной словесности» и студенты Ришельевского лицея в Одессе. Общество лучшие из представляемых сочинений и переводов вносило в особую книгу, называвшуюся «Эвксинскою Музою» (Сухомл., стр. 124).

Из приведённого краткого обзора деятельности студенческих литературно-научных кружков можно видеть, что эти кружки значительно способствовали развитию университетской науки и благотворно влияли на студенческую среду: они пробуждали любовь к занятиям и обнаруживали наиболее крупные молодые силы. Конечно, уровень научных интересов был невысок, отражая на себе культурное состояние современного общества. Успех деятельности этих кружков в первую половину царствования императора Александра I объясняется отчасти и благоприятными внешними условиями для их существования. Правительство, как мы уже несколько раз могли убедиться в этом, относилось, в общем, довольно сочувственно к возникавшим в среде студентов под руководством профессоров подобным обществам, нередко даже им покровительствовало и во всяком случае, хотя бы формально, не ставило препятствий инициативе студентов: общества эти существовали открыто, получая в некоторых случаях и официальную санкцию.

Скорое, однако, такой взгляд, благоприятный для развития чувств общественности и самодеятельности в студенческой среде, в правительственных сферах диаметрально изменяется, о чём наглядно свидетельствует судьба литературного общества, возникшего в 1821 г. в Петербурге среди воспитанников Александровского лицея. Инициатива в учреждении этого общества – «Общества лицейских друзей» принадлежала просвещённому директору лицея Е. А. Энгельгарду. С целью «домашним способом занимать приятно и полезно молодых людей», директор завёл у себя на квартире еженедельные вечерние собрания для литературных бесед. Вот эти беседы и решено было превратить в правильно организованное Общество воспитанников лицея для содействия их литературному образованию. Был выработан устав, в основу которого легли правила известного нам Общества математиков, учреждённого Муравьёвым. Действительными членами Общества могли состоять исключительно лишь лицейские воспитанники старшего возраста; в почётные члены избирались преподаватели и гувернёры; со временем же предполагалось «с этим званием приглашать и посторонних лиц». Президентом общества состоял директор лицея. Предметом заседаний должно было служить чтение и разбор оригинальных и

переводных сочинений членов. Каждый действительный член *обязан* был прочитать в собрании какое-либо своё сочинение или перевод. Кроме частных собраний в присутствии одних действительных членов, по уставу полагались ещё публичные заседания с участием всех воспитанников лицея – впоследствии учредители Общества предполагали приглашать на такие заседания преподавателей и посторонних лиц. Каждое публичное заседание Общества должно было открываться речью кого-нибудь из членов. В конце года, в день рождения «Благословенного Основателя лицея», предполагалось устраивать чрезвычайное собрание, на которое приглашать и публику. Всё происходящее на частных собраниях «отнюдь не должно было разглашать и пересказывать посторонним лицам». Для покупки словарей и других книг при Обществе организовался специальный денежный фонд, который должен был пополняться двухрублёвыми взносами действительных членов.

Таков был в общих чертах устав «Общества лицейских друзей», выработанный и подписанный директором вместе с некоторыми воспитанниками. Энгельгард, пользовавшийся личным расположением императора, открыл Общество, не дожидаясь официального утверждения – 11 ноября 1821 г. состоялось первое собрание. В первых заседаниях были разработаны, между прочим, следующие темы: «ответ другу на вопрос: если бы жил не в нынешнем веке, то в котором из предыдущих желал бы ты жить», «мысль о бытии Высшего существа и о бессмертии души составляет основу добродетелей и счастья человека», «что вреднее для государства – частые войны или дурное управление», об общественном мнении, на темы Руссо – «отчего просвещение народных обществ сопровождается испорченностью нравов», «сатирическая похвала клеветы», «взгляд на главные перевороты в русской истории», «о Мизантропе Мольера», «взгляд на законодательство Екатерины» и др. Итак, Общество собиралось уже несколько раз, а утверждения всё ещё не получило. Государь пожелал видеть правила Общества, почему на Высочайшее усмотрение, 6 декабря того же года, был представлен проект устава. Через месяц, 14 января 1822 г., министр народного просвещения и духовных дел кн. Ал. Голицын известил директора лицея, что «Его Величество соизволил признать учреждение такого Общества между воспитанниками лицея ненужным»...

Получив такой ответ на свое ходатайство, Энгельгард собрал воспитанников и сказал им речь, в которой отметил, что «повиновение воле начальства есть первая обязанность подданных, а потому и надлежит нам теперь же прекратить существование сего Общества... Оно

прекращено по воле высшего начальства – вот все, что можем, что должны мы позволять себе о сем сказать...». (Я. Грот, стр. 481–85).

Прежде чем перейти к характеристике направления, враждебно обрушившегося на университетскую науку, подведём итоги деятельности университетов за первое десятилетие прошлого столетия. Университеты заняли заметное место в умственной жизни русского общества: являясь научными центрами и руководящими органами в деле народного образования (по уставу 1804 г. университеты заведывали учебными округами, т. е. им принадлежала роль современного попечителя округа), университеты, помимо достижения своей непосредственной задачи – воспитания и образования юношества, имели влияние на развитие просвещения и на первоначальное, по крайней мере, знакомство с наукой русского общества; этому способствовали публичные курсы и заседания, устраиваемые университетом; около университетов развивалась преимущественно литературная деятельность – они явились организаторами провинциальной периодической печати и способствовали вообще развитию книжного дела в России. Вся эта просветительская работа происходила при дружных усилиях, как профессоров, так и студентов.

Масса русского общества была слишком инертна и держалась слишком примитивных воззрений, чтобы понять образованное меньшинство, и тем самым питала и поддерживала правительственную реакцию. Под влиянием западноевропейских событий император Александр I разочаровывается в прежних политических идеалах и делается представителем консервативных начал в международных отношениях – проповедником охранительных идей священного союза. Это охранительное направление в международной политике неизбежно должно было перенестись и во внутреннюю; прежде всего оно отразилось на народном просвещении – было обращено особое внимание на то, чтобы дать «образованию и литературе должное направление» т. е. стремились к тому, чтобы они прониклись мистико-религиозными началами, в которых правительство видело единственно прочное основание для истинного просвещения. Заботы о народном образовании были поручены учреждённому в 1817 г. смешанному министерству духовных дел и народного просвещения (т. е. министерство народного просвещения было соединено с ведомством св. Синода).

К этому времени Александр разошелся не только с сотрудниками-друзьями первых лет своего царствования, молодыми реформаторами, ставящими своею целью перенести конституционные учреждения Англии

на русскую почву, но и со Сперанским; сблизился с Аракчеевым, и потому во главе нового смешанного министерства был поставлен один из наиболее фанатичных представителей реакции и враг всех просветительских идей и либеральных реформ начала царствования упомянутый уже нами кн. Голицын. Эти фанатики-обскуранты целиком восприняли отрицательный взгляд германских реакционеров на немецкие университеты, в которых последние видели очаги революции и рассадники вредного вольнодумства.

В 20-х годах немецкие университеты были подчинены, особыми правилами, выработанными на общегерманском сейме (карлсбадские постановления), строжайшему контролю, точно так же были подчинены надзору и русские университеты (*Учен. зап. Каз. Универ.* 1878 г. XIV, стр. 4041). Все усилия русских реакционеров были направлены к тому, чтобы «изгнать опасный дух вольнодумства из учебных заведений, особенно из университетского преподавания, и сочетать навсегда науку с религией, установить спасительное согласие между верою, ведением и властью». За преподаванием во всех университетах был установлен самый бдительный надзор – профессора должны были составлять подробные конспекты своих лекций для представления их в министерство, некоторые науки были объявлены вредными и т. д. Реакционное направление по отношению к университетам наглядно может иллюстрировать действия знаменитого Магницкого в Казанском университете, который первый подвергся нападкам реакции, враждебно обрушившейся на университетскую науку.

Магницкий требовал «публичного разрушения» Казанского университета, зараженного духом «вольнодумства и лжемудрия». Так как эта радикальная мера не была одобрена государём, положившим на доклад Магницкого резолюцию: «зачем разрушать, можно исправить». (*Ключ.* 294). Магницкий приступил к преобразованию университета «на началах священного союза», как он выражался. В 1821 г. для Казанского университета были изданы чрезвычайно характерные инструкции, определяющие «дух» и «направление», которым профессора обязаны были следовать в преподавании наук философских, политических, медицинских и т. д. По этой инструкции ректор обязан присутствовать на лекциях, просматривать тетради студентов и наблюдать, «чтобы дух вольности ни открыто, ни скрыто не ослаблял учения церкви в преследовании наук философских и исторических»; философия должна руководиться исключительно Посланиями Апостола Павла и доказывать преимущество Священного писания над наукой; начала политических наук должны быть извлекаемы из творений Моисея, Давида и Соломона и в крайнем только

случае позволялось пользоваться Аристотелем и Платоном; наука естественного права, как «мнимая наука», подверглась остракизму. Преподаватель византийского права, заменившего римское, должен был руководствоваться Кормчей; на профессоров всеобщей истории возлагалась обязанность показывать слушателям «как от одной пары все человечество развелось»; преподавание новейшей истории – виновницы всех смут, было окончательно запрещено; русский историк должен был доказывать, что при Владимире Мономахе русское государство «упреждало все прочие государства на пути просвещения»; русская словесность превратилась в историю духовного красноречия; математик в свою очередь должен был строить свою науку на принципах нравственности и доказывать, что «математика вовсе не содействует развитию вольнодумства, подтверждая высочайшие истины веры: без единицы не может быть числа, так и мир не может быть без единого творца; гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть не что иное, как символическое соединение земного с божеством» (*Ключ.*, стр. 295–9). Таким образом, все науки, не исключая и математики, должны были вести к уничтожению «разрушительных начал» и к основанию просвещения «на началах христианской религии». Так как преподавание должно было клониться к утверждению благочестия и религии, то от профессоров не требовалось специальных знаний, в профессора брались люди, не получившие даже высшего образования, одному лицу поручали читать зараз шесть предметов, с одной кафедры перемещали на другую, не сообразуясь со специальностью профессоров (например, профессор поэзии должен был по распоряжению начальства читать политическую экономию и финансы). Считалось, что профессор тогда лишь удовлетворяет своей цели, когда он расточает «похвалы магии и кабалистике», произносит «обличение против науки и приветствует обновление университетской жизни» (*Ик.* XI, ст. 78). В почётные члены университетов попадали за благочестие, а из библиотеки изгонялись все сочинения, не соответствующие этому требованию – даже сочинения Карамзина были признаны проникнутыми якобинским духом.

Такому же строжайшему надзору подверглась и учащая молодёжь. У Магницкого, стремившегося преобразовать Казанский университет по типу католических коллегий, явилось желание создать из университета и из студентов своего рода монашеский орден. Жизнь студентов регламентируется самыми строгими правилами монастырской дисциплины и наполняется упражнениями в благочестии: из студентов образуют иноческую общину, члены которой делятся по степеням

нравственного содержания, а не по курсам, согласно возрасту и знаниям, «порченные» студенты, так называемые грешники, в наказание помещаются в комнату уединения в лаптях и крестьянском армяке – они должны были здесь перед Распятием Христа сокрушаться в своих грехах. Пока происходил этот «искус», товарищи каждый день перед лекциями молились за грешника, а сам он, по раскаянии исповедовался и причащался (*Ключ.*, стр. 296).

Не надо думать, что один только Казанский университет, подчинённый всецело попечителю, слишком уже ревностно исполнявшему возложенную на него трудную задачу преобразования и обновления специально Казанского университета, сошедшего с пути истинного, находился в таком положении, – в аналогичных условиях приходилось действовать и другим высшим учебным заведениям. В Петербургском университете действовал в духе Магницкого попечитель округа – Рунич, открывший поход против всех наук политических и философских. Он обвинил самых «благонамереннейших и консервативнейших» преподавателей в неблагонадёжности, в том, что они стремятся к «ниспровержению всех связей семейственных и государственных» (*Григ.*, стр. 35). На суде, учинённом над этими профессорами, Рунич доказывал, что «философские и исторические науки» в университете преподаются в духе, противном христианству и в умах студентов вкореняются идеи разрушительные для общественного порядка и благосостояния. С целью устранить такое вредное влияние, для профессоров издаются инструкции, аналогичные казанским, и преподавателю анатомии предписывается «находить в строении человеческого тела премудрость Творца, создавшего человека по образу и подобию своему» (*Сух.*, стр. 163). Вот как характеризует историк Петербургского университета состояние университета после грозы, разразившейся над ним в 1821 г. Преподавательский персонал, по его словам, понизился до неузнаваемости, лучшие профессора должны были выйти в отставку – их заменили полные ничтожности. «Из новых лиц не было (почти) ни одного, которое бы о знаниях и способностях своих заявило чем-нибудь в ученом мире»; эти профессора не могли даже «думать не по заданной программе и действовать не по чужой указке» (*Григ.*, стр. 176). Несколько в стороне от влияния этой реакции стоял Московский университет, но и здесь в двадцатых годах, по инициативе Магницкого, профессора философии обвинялись в «следовании безбожному учению Шеллинга» и в неумении примирить учение Канта с священным писанием. Преподавание всех наук было проникнуто

ханжеством и пиэтизмом. То же можно сказать и о Харьковском университете.

Как мы видим на примере Казанского университета, реакция относилась с подозрением и к студенческой среде. Изданные в 20-х годах правила для всех университетов устанавливают строжайший надзор за учащимися. В молодых людях всех учебных заведений – гласят эти правила – должен быть сохранён и утверждён начальством страх Божий. Обучающееся юношество обязано почитать *всякое* начальство с должным повиновением, вести богобоязненную жизнь по правилам веры, не посещать публичных собраний без дозволения ректора (которое требуется даже для *прогулок* и ботанических *гербаризаций*) и не читать книг, противных христианской вере и существующим системам правительства, в особенности же Российского государства, и других соблазнительных, а также к лекциям не принадлежащих книг (*Щегл.*, стр. 76). Эти правила показывают нам, как ограничивается в период реакции самодеятельность учащейся молодёжи.

Но в это время, как научные общества терпят гонения, встречаются сочувствие и пользуются покровительством всевозможные библейские сотоварищества, которые и возникают почти при всех университетах. Начало этих обществ лежит в религиозных беседах, которые по воле монарха, стали устраивать во всех учебных заведениях с чтением священного писания, «для насаждения благочестия в духе вырастающего поколения к созданию Царства Христа на земле» (*Сухом.*, стр. 167). Постепенно эти чтения превратились в организованные христианские беседы и сотоварищества, на которых читались псалмы и велись рассуждения о важнейших истинах религии и о жизни святых мужей. Таким образом, библейские общества ставили своею задачею изучение «Слова Божия» и распространение его между «неимущими сей небесной манны, сего Божественного хлеба» (так определило свою задачу харьковское студенческое Библейское Общество), на этих собраниях раздавалась проповедь любви и терпимости, но в то же время слышались и голоса против науки... Итак, цель, которую преследовали при учреждении этих обществ, была достигнута: «во время всеобщего брожения» они являлись оплотом против безверия «Вольтеров, Дидротов и Даламберов», т. е. против тех просветительных идей, которые, по мнению реакции, были источниками политических движений, оплотом «против лжемудрия германских и английских философов, против лжесвятости и кощунства латинских папешников» (*Сушк.*, стр. 27).

А брожение в правительственных сферах было действительно такое,

что против него надо было найти оплот.

Вот как характеризуется это брожение одним из современников – гр. Уваровым. «Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т. е. огня, который бы не жег, другие (а их всего больше) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги, Море и Розенкампа, бредни Ш... (Шишкова) и открытия Лейбница; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо: религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франк-массон, фанатик и т. п. Словом полное безумие"... (Рус. Арх. 1887, с. 129). Необходимый оплот, однако, был найден и как раз в тех университетах, которые подвергались таким гонениям со стороны реакции.

Мечтательный и неопределённый мистицизм, распространившийся в России под влиянием близкого знакомства с новым мистико-религиозным настроением западноевропейского общества, с «германскими католическими и протестантскими теософами», мог увлечь даже столь малосклонную к туманным мечтаньям, как трезвую натуру практика-чиновника Сперанского, рекомендовавшего одному из своих друзей заниматься мистическим созерцанием и указывавшего «способ добыванья Фаворского света устремлением взоров на пупок при ноздреватом дыхании» (Рус. Арх. 1870, с. 194), – этот мистицизм мог увлечь эмоциональные натуры и способствовать развитию масонства с его сектантской проповедью «морального перерождения» человека путём веры, просвещённой разумом, и рационального законодательства в противовес идеям французской философии; он мог содействовать сближению в одно время масонства с интеллигенцией, мог вызвать, наконец, к действию тёмные реакционные силы, но не мог окончательно убить то общественное движение, которое было вызвано до известной степени самим правительством, воспитавшим общество в духе тех просветительских идей, которыми оно руководилось в своей преобразовательной деятельности в первые годы царствования Александра.

Стремлением водворить «спасательное согласие и между религиозным сознанием, между образованием умственным и между порядком политическим», по меткому выражению проф. Ключевского, практически были разработаны так, что «вера, ведение и разум» почувствовали себя ещё большими врагами, чем прежде: это привело к

полному крушению системы, основанной «на началах Священного Союза», что было, между прочим, официально признано, например, при ревизии ген.-м. Желтухиным Казанского университета в 1826 году. Конечно, под влиянием реакции университеты пришли в упадок, самостоятельность университетской корпорации была стеснена до нельзя, и ограничительные меры должны были самым вредным образом отразиться на развитии науки и просвещения. Мы приводили уже выше отзыв историка Петербургского университета о состоянии науки в двадцатых годах. Ещё к худшим результатам привела деятельность в Казанском университете Магницкого, окончившаяся полным банкротством его системы. Этот университет потерял «даже тень самостоятельности» (за время Магницкого университет не выпустил ни одного научного сочинения), утверждение религии и благочестия, по словам современников (Паррота), привело к совершенно противным результатам: по внешности университет сохранял порядок, но внутри это была «клоака всякой безнравственности» и, благодаря Магницкому, этому «непрощенному защитнику божеских и царских прав», по замечанию редактора *Русского Архива* (1871 г. X, стр. 243), «лучшие юноши шли толпою в злосчастный лагерь врагов правительства».

Регресс видим мы и в деятельности Харьковского университета, где уровень преподавания до того понизился, что профессора, обязанные читать лекции по конспектам и руководствам, утверждённым министерством, пользовались устаревшими и наивными научными сочинениями XVII века; где вместо 28 профессоров, полагавшихся по штату, налицо было всего восемь (*Владим.-Буд.*, стр. 67). Но так пагубно отозвалось реакционное направление преимущественно на новых университетах, не успевших ещё окончательно сложиться и окрепнуть за недолгие годы своего существования. Старый Московский университет, уже переживший раз эпоху реакции, сумевший выйти из неё победителем, легче выдержал борьбу с теми препятствиями, которые задерживали его развитие. В течение первых семидесяти лет своего существования он был, как мы видели, центром литературной деятельности; эта деятельность его не заглохла и во время реакции, хотя, конечно, значительно сократилась под влиянием стеснительной цензуры, преследующих авторов даже за такие новшества, как опускание буквы ь при писании. И всё-таки приходится сказать, что не только Московский университет, но и другие во время реакции являлись единственными «хранителями истинного просвещения и противниками господствовавшего тогда мистического обскурантизма» (*Якуш.*, стр. 52); на это указывают все вышеприведённые

факты гонений, которые воздвигались на университетскую науку: очевидно, с точки зрения реакции университеты своею деятельностью не подходили под тот идеал народного просвещения, который себе ставили представители реакции, (даже в Казанском университете, не имевшем и «тени самостоятельности», во времена Магницкого около половины студентов были отмечены неблагонадёжными за равнодушие в деле веры и буйство против начальства). Мы видим, как с наступлением более благоприятного времени университеты быстро расцветают и снова становятся центром умственной жизни русского общества.

Прежде чем говорить о состоянии университетов в тридцатых годах, остановимся на характеристике того отношения, которое встретили университеты со стороны нового правительства. По существу царствование Императора Николая Павловича, принципиального врага всякого рода либеральных начал и общественной самодеятельности, видевшего в них источник катастрофы декабрьских дней, было логическим продолжением реакционного направления второй половины предшествующего царствования: консервативный и бюрократический образ действия, милитаризм – вот начала, господствовавшие в программе нового правительства. Мы уже говорили, что господство дикого мистицизма в 20-х годах расшатало учебную систему; это признаёт и новое правительство, которое, находя нецелесообразными принципы, руководившие до этих пор воспитанием юношества, принимает целый ряд особых мер к переустройству учебной системы и к повышению образовательного уровня университетов. Приговор над прежней системой произносится уже преемником Голицына министром Шишковым. «Нравственный разврат рос и усиливался – говорит он – ослепление под священнейшим именем благочестия и человеколюбия умело вползает в сердца и поражать их ядом; под видом распространения христианства стремились поколебать веру» (*Икон. XI, с. 82*); по его словам, в преподавание наук вкрались худые и ненужные постановления, которые следует «остановить, искоренить и обратить к истинным началам».

В действительности же проекты реформы учебной системы сводились к признанию ненужности просвещения и необходимости внешней выправки – дисциплина есть единственный оплот против «своеволия мысли» и «мечтательных крайностей». Проводить реформу было поручено министру народного просвещения Шишкову, «ярому борцу с наплывом западных европейских идей» и убеждённому ретрограду, считавшему «все младшее поколение литераторов, начиная с Карамзина, безбожными и во всех отношениях вредными» (*Рус. Арх. 1871, стр. 178*) и с этой целью

составившему в 1826 г. такой «чугунный» цензурный устав, что на основании его, по словам одного из современных ему цензоров, можно было и «Отче Наш» перетолковать «якобинским наречием» (Ик. XI, с. 88).

Учебная реформа 1828 года, была проведена, в сущности, не под влиянием педагогических соображений, а главным образом политических: народное образование сводилось к воспитанию государством юношества с *политическими* целями, почему через всю учебную систему должен был пройти красной нитью принцип *единообразного* и *национального* обучения (система Тюрго). Чтобы достигнуть этих политических целей, новая учебная система стремилась, прежде всего, ограничить получение излишнего, роскошного образования для тех, кому оно не нужно. Высочайший рескрипт 19 января 1827 г. устанавливает сословный характер воспитания. Он указывает на то, что «предметы учения и самый способ преподавания» должны быть по возможности «соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся» – пусть каждый приобретает познания наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, «каждый гражданин не должен быть ниже своего состояния», но также не должен и стремиться «чрез меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению дня ему суждено оставаться» (Мил. Оч. II, с. 316). Избыточное образование имеет вредное влияние, поэтому доступ в университет ограничивается для лиц низших классов, – никто не должен получать образования выше своего звания: крестьяне должны поступать в приходские и уездные училища, купцы и ремесленники в уездные училища, в высшие же учебные заведения должны допускаться лишь лица свободного сословия – дети дворян и чиновников; в каждом из этих учебных заведений притом обучение должно быть расположено таким образом, чтобы оно могло служить окончательным образованием того класса людей, для которых таковые училища преимущественно учреждаются. Но наряду с этим для привилегированного сословия – дворянства – высшее образование признаётся излишним.

Дворянству рекомендуется поступать в военные учебные заведения, и его прельщают будущими почестями, связанными с «эполетами». Таким образом, реформа сводилась, собственно говоря, к уничтожению рассадников высшего образования, так как в университет могли лишь поступать лица чиновничьего класса. Наряду с этим принципом ограничения образования для низшего сословия в новой учебной программе выставлен был и другой принцип – воспитание должно носить общественный характер и «всецело находиться в руках государства». Этот

принцип был так формулирован нашим поэтом Пушкиным: «Должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине казарм» (*Мил.* I, 317). Если первоначально в характере царствования императора Николая I замечалась некоторая двойственность и отсутствие определенного направления, то очень скоро господствующим тоном в программе правительства, которого оно уже неуклонно держалось, явился «тричастный русский символ – православия, самодержавия и народности» (*Рус. Арх.* 1871, с. 179); по отношению к народному просвещению эта программа наиболее ярко была выражена министром Уваровым в виде провозглашения программы «официальной народности». Главные начала, которые Уваров включал в систему общественного образования, были им определены в 1837 г. в таких словах: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях; найти начала, в коих зиждется благоденствие, силы, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить... Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность...» (*Мил. Энци. Сл.*, стр. 791).

В сфере университетского образования новую программу предполагалось проводить путём установления более строгого надзора за университетами, создания поколения *русских* профессоров, которые преподавали бы *русскую* науку и в *русском* духе, и ограничения доступа в университеты молодёжи из низших сословий – умерить, – как говорил в своей докладной записке, представленной государю, Уваров в 1835 г., – прилив юношества в учебных заведениях высшего разряда» (*Щег.*, стр. 129). Какому надзору было подвержено всякое проявление общественной самодеятельности, а следовательно и университетская наука, мы можем судить по тем стеснительным мерам, которые применялись по отношению к литературе и к жизни учащейся молодёжи.

В тридцатых годах открытие журналов разрешались лишь с Высочайшего соизволения, а в 1836 г. окончательно было запрещено делать представления о разрешении новых журналов. Цензора обязаны были не допускать к печати философских сочинений, наполненных «пагубными мудрствованиями новейших времён» – например, сочинения Беккариа «О преступлениях и наказаниях», изданного ранее по Высочайшему повелению в 1803 г., на обязанности тех же цензоров лежал просмотр сочинений медицинских и естественных, при чём они должны были исключать все бесполезные отступления, «отвлекающие читателей от мира вещественного к духовному, нравственному и гражданскому миру», всякая вредная теория, как о первобытном зверском состоянии человека, о мнимом составлении первобытных гражданских обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога и т. п. отнюдь не должны были быть «одобряемы к печатанию...» (Ик. XI, с. 89, прим. I). Такие же стеснительные меры были применены и по отношению университетского преподавания: комитет по устройству учебных заведений должен был «определить подробно на будущее время все курсы учения и воспретить обозначать сочинения, которыми можно пользоваться при преподавании по произвольным книгам и тетрадям». Ограничительные меры по отношению к студентам вытекали из тех соображений, что в университете молодёжь должна получать нравственное воспитание, т. е. должна быть дисциплинирована, как на военной службе...

Инструкциями 30-х годов в основание этой нравственности кладётся религия; главнейшею обязанностью университетского начальства признаётся попечение о религиозном направлении мысли учащихся, но, в сущности, это попечение сводится к наблюдению за внешними признаками набожности, а именно, чтобы все студенты ходили бы к обедне и т. д. (Влад.-Буд., стр. 156). Студентам была дана форма, устав регламентировал все их нравственные обязанности и заботился даже об устранении недостатков в их наружном образовании – например, о причёсках: стрижка волос должна была происходить по определённой форме, о манерах – сумрачный взгляд исподлобья показывал в студентах вольнодумство и т. д. Студентов начинают обучать фронтовой службе, делят их на батальоны и придают строю университетской жизни характер военно-учебных заведений – для студентов вводятся даже военные лагерные занятия в течение летних вакансий, производят, как тогда выражались, «военные эволюции». (Щег., стр. 93). Существующая для надзора за направлением мыслей и нравственности студентов инспекция

назначается из лиц, ничего общего к университетской корпорации не имеющих, – из отставных военных («учёный чиновник» – профессор считался малопригодным для воспитания юношества): бывали случаи, когда в инспектора в высшие учебные заведения попадали уездные городничие и даже урядники. (*Рус. Арх.* 1875, II, с. 350). В научном отношении от студентов не требовалось ничего, кроме заучивания учебников наизусть – считалось даже за «дурную склонность к вредному свободомыслию», если студенты на экзаменах или на репетициях отвечали из «учебников своими словами» (*Григ.*, стр. 68). Но эта опека не достигла желаемых результатов: оказалось и невозможным загнать молодёжь в определённые заведения и продержат их там до конца курса, как этого желал Пушкин; нельзя было направить также и всё привилегированное сословие в военно-учебные заведения – далеко не все переходили, прельщаясь блестящими кавалергардскими и гусарскими доспехами, из области научной в область «шагистики и зуботычин – главнейших атрибутов военной службы того времени» (*Рус. Стар.* 1881, с. 368) – об этом наглядно свидетельствует факт, что в период 1837–1857 г. контингент учащихся во всех университетах возвысился с 2002 до 3551. Теория в данную эпоху слишком разошлась с практикой, и университеты под влиянием русской общественной жизни достигают несомненного развития.

Этим развитием наши университеты были обязаны молодым профессорам, вернувшимся из заграничных командировок для подготовки к учёному званию, и позже тем *русским* профессорам, о которых мечтал гр. Уваров – они посылались в течение 1828–38 г. для усовершенствования в Дерптский университет и здесь приобретали серьёзные познания и горячую любовь к науке: в Дерптском университете, стоявшем вдали от катастроф, постигавших другие русские университеты, и находившемся в непосредственных отношениях с автономными германскими университетами, царствовала атмосфера чистой науки, университет процветал и делался рассадником умственных сил для России.

Новым русским профессорам пришлось начать свою деятельность при сравнительно благоприятных условиях. В первые годы царствования Николая I – в переходное время, пока ещё определённо не выяснилась реакционная программа учебной системы последующего периода, университеты могли вздохнуть свободно и оправиться от той дезорганизации, в которую привело их господство мистического обскурантизма двадцатых годов.

Император Николай I, относясь несочувственно к прогрессивным

течениям западноевропейской мысли, ещё с большей враждебностью был настроен по отношению к мистицизму Александровского царствования. Не только все представители прежней реакционной партии были отставлены от своего владычества, но университеты вновь получили даже некоторую самостоятельность – возобновлён был, правда, с урезками, автономный устав 1804 г. Новый устав 1835 г. подчиняет университет контролю попечителя и в то же время, снимая с университетов обязанность по заведыванию училищами в округе, даёт возможность профессорам сосредоточиться на своих прямых обязанностях и заняться исключительно своей специальностью; университет по новому уставу не рассматривается, как учёное общество, имеющее две равносильные цели: преподавание и разработку науки – университет есть только учебное заведение, но с известной академической свободой – коллегиальное учреждение с выборными властями. Эта свобода дала возможность университетам настолько окрепнуть, что они смогли бороться с теми реакционными началами, которые постепенно развивались в тридцатых годах, чтобы во вторую половину царствования Николая I, быть может, ещё с большей враждебностью, обрушиться на университетскую науку, чем во время Александра I, и создать самую неблагоприятную атмосферу для университетской науки и общественной самодеятельности. Но пока реакция ещё не развилась, университеты достигли значительного развития; молодые русские профессора привезли с собой те «немецкие тетради», которых так опасались в правительственных сферах тридцатых годов, они привезли с собой и «немецкие теории». В то время, как прежде аудитории у старых профессоров пустовали, представляя из себя «песчаные бесплодные пустыни, среди которых редко встречались цветущие оазисы», кругом новых молодых профессоров, среди которых несколько позже были такие выдающиеся учёные как Неволин, Пирогов, Кудрявцев, Грановский и др., собиралась многочисленная аудитория, преисполненная идеальных стремлений. Эта молодёжь ищет удовлетворения своих исканий в университетской науке и, если не находит его, решается собственными силами создать соответствующую её настроением атмосферу. В тридцатых и сороковых годах мы встречаемся с целым рядом научно-общественных студенческих кружков и организаций.

Посмотрим, как организуется студенческая жизнь по собственному почину, вопреки всякого рода издаваемым инструкциям, стремящимся стеснить и поставить её в очень узкие и определённые рамки военной дисциплины. Среди образовательных Обществ, организованных в 30-ых годах университетской молодёжью, мы, прежде всего, должны

остановиться на двух замечательных кружках, образовавшихся в Москве под влиянием передовых идей, господствовавших в Германии: один из этих кружков был составлен Герценом и Огарёвым, во главе другого стояли Станкевич и Белинский. Значение в общественной русской жизни этих кружков слишком хорошо известно, и мы можем здесь о нём почти не говорить. В этих кружках, по словам Пыпина, созрели умственные интересы, которым предстояло двинуть вперёд общественное сознание: отсюда действительно вышла целая плеяда выдающихся общественных деятелей и корифеев нашей литературы. Упомянутые кружки составились первоначально из курсовых товарищей, но вскоре стали примыкать к ним и другие лица, не принадлежавшие иногда даже к университету и привлечённые туда лишь общностью интересов – между прочим, в состав кружков вошли Боткин, Кудрявцев, Грановский, К. Аксаков и др. (Пып. В. Г. Белинский, т. I, с. 125). Шли сюда люди, как Белинский, неудовлетворённые ограниченным объёмом нашей школьной науки и «рутинизмом» наших университетов, но с глубокой потребностью сознательных идей и нравственных принципов, граждане, преследующие «общественное благо». На первых порах оба кружка во многом расходились между собой – Герценовский кружок увлекался общественными теориями, кружок Станкевича более философией и задавался идеальными стремлениями. В 1839–40 г. оба кружка, прежде враждебные, слились, и почвой для слияния послужили те цели, к которым стремились оба кружка – общественное благо.

На ряду с этими кружками существовали в Москве и славянофильские кружки, начало которых восходит к 20-м годам, когда славянофилы учредили в 1825 г. «Общество любомудрия» во главе с Веневитиновым. Первоначально эти кружки были совершенно чужды политического общественного направления, преобладавшего в большинстве тогдашней молодёжи – члены их занимались философией: изучением мистиков, немецко-философских систем Шеллинга и Гегеля и философско-исторических теорий национальной самобытности; однако в 40-х годах они вступают в связь с западниками – и в салонах, где собираются и те и другие, горячо и сердечно дебатуются животрепещущие общественные темы и вопросы об отношении философии к религии (Мил. Энц. Сл. «Славянофилы»). Несомненно, эти собрания в салонах Елагиной, Свербеевых и пр., где Герцен и Белинский, выступая критиками славянофильской доктрины, встречали оппонентов в лице Хомякова и Киреевского, можно рассматривать, как отдельные кружки, возникающие среди учащейся молодёжи. Такие же частные кружки мы встречаем,

например, и в Харькове, где инициатором этого дела явился студент второго курса – брат Станкевича; между прочим, также в Киеве, где кружок студентов под руководством О. М. Новицкого перевёл сочинение Barchon de Tonhoen «Histoire de la philosophie allemande depuis Leibniz jusqu'a Hegel» (*Влад.-Буд.*, стр. 154) – всё это, конечно, свидетельствует о значительной степени умственного развития некоторой части студентов. Упоминая о славянофильских кружках, существовавших в сороковых годах, мы должны отметить кружок, возникший в Киеве при университете в 1845 г. – это «Славянское Общество», если только можно назвать Обществом частные беседы 2–3 знакомых (начальство считало этот кружок Обществом). Славянское Общество в Киеве просуществовало всего лишь несколько месяцев; собиравшиеся здесь молодые люди, кроме идей собственно панславистических, изучали быт Малороссии, рассуждали о необходимости и распространении народного образования путём начальных школ и литературы для народа, о вреде крепостного права и т. д. (*Влад.-Буд.*, стр. 531, 541). Этот кружок, несомненно, явился предшественником знаменитого «Украинофильского Общества Кирилла и Мефодия», сконцентрировавшегося около Костомарова. В обществе принимали участие Кулиш, Маркевич, Шевченко и др. Участие в Обществе для многих членов дружеского кружка, как известно, имело печальные последствия: одни понесли ссылку, другие – тюремное заключение.

Кроме этих отдельных, так сказать, приятельских кружков, возникают в тридцатых годах и обще-студенческие организации, преследующие отчасти научные цели и, во всяком случае, цели общественно-просветительские, – самообразования. Такие организации существуют с конца 30-х годов (в 1836–37 гг.) в Петербургском университете; образуются они по типу дерптских корпораций, – все правила, постановления и обычаи, по словам одного из участников в этих организациях (*Ист. Вест.* 1880, № 4, с. 783), вывез из Дерпта один из русских студентов, увлечшийся духом тамошней студенческой жизни. Эта жизнь в Дерпте с самых первых лет существования университета складывалась совсем по иному, чем в других русских университетах. Как мы уже говорили, Дерптский университет, пользуясь большими преимуществами и вольностями, приближался к типу свободных германских университетов, если не всегда в теории, то, по крайней мере, на практике. Несмотря на то, что студенческая жизнь в Дерпте регламентировалась по правилам и инструкциям до таких же мелочей, как и в других университетах, уже с 1803 г. мы встречаемся здесь с первыми

попытками некоторой организации и группировки в студенческой среде в целях единения – они отражаются в выборе депутатов от студенчества для разрешения тех или иных вопросов, возникающих в академической жизни, учреждения суда чести и общих студенческих собраний.

Университетское начальство не придавало особого значения таким собраниям и открыто позволяло им свободное существование, пользуясь тем, что первый устав Дерптского университета запрещал только такие собрания, относительно которых доказано будет, что они имеют предосудительные намерения, общественному спокойствию и порядку противные (§ 17). Расширению этого корпоративного устройства способствовал до известной степени демократический дух, господствовавший в товарищеской среде, и уже в 1806 г. общие студенческие собрания начинают функционировать на основании определённого писаного устава-комана, составленного самими студентами по образцу аналогичных уставов, существовавших в Лейпцигском и Иенском университетах. Правда, уже через три года в 1809 г. этот «коман» был сожжён начальством, и возникшее было «студенческое объединение» распалось. Распадение объясняется и тем, что к этому времени в студенческой среде получает преобладание над принципом общестуденческой организации принцип единения по землячествам. В 1807–1809 гг. возникают четыре землячества, называемые по губерниям, где была родина их членов, – Curonia, Livonia, Estonia и Finnonia (последняя, однако вскоре за недостатком членов прикончила своё существование) и позже (1828) Polonia, а в следующем году «Ruthenia». Первое время землячествам приходилось конкурировать, с продолжавшими существовать, несмотря на катастрофу 1809 г., организациями, основанными на принципе общестуденческого объединения и возникшими на ряду с этим в 1812 г. факультетскими организациями – во главе каждой факультетской группы стоял выборный староста-senior, созывавший факультетские собрания, заведывавший групповой кассою, библиотекой и т. д. Бывали и общие собрания студентов всех факультетов (*Петух.*, с. 277–79). Участие в факультетских группах не было обязательным для каждого студента – желающий мог держаться в стороне. Университетская администрация, хотя официально и не признавала организованные в таком виде факультетские группировки, но знала об их существовании и не преследовала, считая подобные организации менее опасными, чем землячества: в некоторых случаях «сениоры» играли даже роль представителей товарищеских групп и посредников перед администрацией университета. Факультетские

собрания прекратили своё существование в 1816 г., и тогда начинает развиваться земляческий принцип; более или менее прочное устройство корпорации получили в 20-х годах, когда все студенческие организации были признаны «вредными и несовместимыми с обязанностями студентов». Отдельные корпорации объединялись между собой путём частных соглашений (картель), а в начале тридцатых годов (1834) учреждается «Собрание уполномоченных» (Chargirten-convent), которое становится центральным и административным органом корпорационного студенчества; в собрание уполномоченных позже вступают и представители студентов, не входивших в состав цветных корпораций – Vildenverretung («vilde» – дикими назывались все некорпоранты). На ряду с этой общестуденческой организацией ещё в 1823 г. возникает «Дерптский Союз» (Dorpat'sche Burschenschaft), учреждённый «с целью объединения учащихся в Дерптском университете связью рассудка, нравственности и научного образования, а также для установления в университете истинной студенческой жизни». Хотя, несомненно, настоящее Общество возникло под влиянием аналогичных студенческих Обществ в Германии (Burschenschaft), ставивших себе политические цели, оно тем не менее устранило из своей деятельности политическую тенденцию; не будучи чуждыми, по словам Пирогова (сочин., т. I, стр. 96), политических идей, интересуясь общественными движениями того времени на Западе, члены «Дерптского Союза», выступали с тем же девизом, как и немецкие Burschenschaft, «честь, свобода, отечество», но не стремились к конкретным политическим целям (работая над своим «умственным и нравственным развитием») (Пет., стр. 547–51).

Цветные корпорации, одно время запрещённые, вскоре были, однако снова разрешены и даже во второй период жизни Дерптского университета получили официальную санкцию. Разрешение таких корпораций объясняется благоприятными отзывами, которые неоднократно давало в тридцатых годах министерство о поведении дерптских студентов: например, благодаря всеподданнейшему докладу министра гр. Уварова в 1838 г., для студентов Дерптского университета были изданы новые правила, которые предусматривали возможность устройства, кроме корпораций, «студенческих Обществ, имеющих ученую цель, также занятия литературой и искусством» (Рус. Вед. 1902, № 343). Благодаря такому исключительному положению, дух общественности и самодеятельности был сильно развит среди учащейся молодёжи Дерптского университета и выражался в организации целого ряда имеющих научную цель обществ... Ещё в 1811 г. для общения

профессоров со студентами, по инициативе проф. Бурдаха, возник медицинский кружок «Aerztliche Gesellschaft zu Dorpat»; предполагалось, что здесь «профессора, студенты и уже окончившие своё образование медики будут сходиться для научных докладов и сообщений, для чтения вновь выходящих журналов и книг и для устройства популярных бесед о научных вопросах с публикой». Когда дело было уже фактически налажено и даже устроено частным образом несколько заседаний, Бурдах обратился к ректору с официальным заявлением о возникшем Обществе и, представляя выработанный членами его проект устава, просил исходатайствовать Обществу формальное разрешение на существование. Однако для этого неожиданно встретились большие затруднения – и попытка основания первого учёного Общества при Дерптском университете закончилась полной неудачей. Прежде всего, учреждение Общества вызвало протест со стороны некоторых профессоров, руководивших при этом соображениями исключительно формального и личного характера. По заведённому в университете порядку проект до утверждения через попечителя министром подлежал одобрению университетского совета. Когда же ректор циркулярно предложил членам совета рассмотреть представленный Бурдахом устав медицинского Общества, большинство голосов высказалось против, так как профессора обиделись на то, что Бурдах действовал помимо их; в результате Бурдах получил уведомление от ректора, что Совет, согласно предложению профессоров Гута и Ледебура, дозволил лишь ведение обыкновенных «диспутиаторий и конверсаторий» по медицинским вопросам вне лекций, и то при условии, что ректор во всякое время может посетить эти собрания для контроля над характером и направлением этих бесед. Такой ответ Бурдаху показался оскорбительным – он счёл это за недоверие и даже посягательство на свои профессорские права: профессор и без того имеет право вести всякого рода научные собеседования, не испрашивая с этой целью каждый раз особого на то разрешения от университетского совета. Итак, «профессор пойдёт на лекции к своему товарищу, чтобы узнать, соответствует ли она его воззрениям, и если нет – то сделает на товарища донос!?» – писал Бурдах в своём ответе ректору; находя такое стеснение профессорской научной и общественной деятельности унижением достоинства университета и симптомом его падения, Бурдах не только отказался от своего желания учредить медицинское Общество, но заявил, что прекращает и преподавание до тех пор, пока вся корпорация университета не выразит своего негодования за нанесённое профессорами Гугом и Ледебуром оскорбление... Более удачным и прочным оказалось

другое учреждение, возникшее с той же целью через два года – (в 1814 г.) – Общество «Academische Musse». Ещё в первый год существования университета в профессорской среде возникла мысль основать кружок для объединения университетской корпорации с образованной частью дерптского общества; тогда идея основания Общества не приняла реальной формы благодаря противодействию генерал-губернатора князя Голицына. Через десять лет эта мысль возродилась снова; по инициативе девяти профессоров был выработан проект устава и возбуждено ходатайство об открытии Общества под названием «Museum für Litteratur, Kunst und Erholung», к этому движению примкнули и студенты под руководством известных профессоров Паррота и Эверса, общими усилиями проект был выработан в окончательном виде и утверждён 3 июля 1814 года. Новое Общество, получившее название «Академической Муссы», ставило свою задачу «доставлять членам его, а равно и остальной образованной части городского общества, возможность приличного и недорогого времяпровождения, которое должно состоять не только в обыкновенных общественных развлечениях, но и в занятиях литературой и искусством». Согласно его уставу (Verfassung der Academischen Musse zu Dorpat), членами Общества (§§ 1, 2) могли состоять профессора и вообще преподаватели университета, синдик и секретари, *студенты*, городские проповедники, учителя казённых учебных заведений и те лица из городской публики, которые будут приглашены в качестве членов-учредителей (затем состав Общества пополняется выборами посредством баллотировки); управление делами Общества (§ 8) вверяется девяти директорам, из которых шесть выбираются из профессоров, преподавателей или чиновников университета, городских проповедников и школьных учителей, а три – из остального состава Общества; *студенты* (§ 12) *также избирают из своей среды девять представителей, которые установленным порядком дежурят в обществе, подобно «директорам»*; обычные занятия Общества (§§ 14 и 17) состоят в литературных беседах, чтении газет и журналов, играх, но не азартных; литературные беседы имеют в виду главным образом сообщения сведений о новых открытиях, о произведениях искусства и науки, чтение напечатанных и не напечатанных произведений, устройство художественных выставок, общедоступных сообщений на научные темы; кроме того, имеется в виду устройство балов и концертов. С самого же начала, Общество, как свидетельствует историк Дерптского университета (*Пет.*, стр. 287–294), «обнаружило значительную жизненность»: число членов быстро возрастало, собрания бывали многочисленными и служили «весьма

важным объединительным средством разных слоев университетской среды и городского населения»; посещались собрания Общества охотно и студентами.

Наряду с «Академической Муссой» в описываемое время в студенческой среде возникали и более тесные товарищеские, частные литературные кружки. У автора истории Дерптского университета мы находим сведения о двух таких кружках. Первый из них составил в 1812 г. между студентами богословского факультета и просуществовал четыре года, распавшись естественным путём – члены его (18) окончили университет. Кружок имел писанный устав, скреплённый подписью семи членов-учредителей; ставил он своей целью «всестороннее развитие ума и сердца» – это достигалось путём литературных упражнений и обсуждения последних «как письменно, так и устно, преимущественно с этической точки зрения», затем в совместном чтении и разборе образцовых сочинений известных авторов; от каждого члена обязательно требовалось деятельное участие в литературных интересах кружка сочинением собственных произведений и посещением собраний; в новые члены принимались только лица по единодушному доказательству способности и любви кандидата к литературным занятиям; Общество собиралось каждую неделю у одного из своих сочленов, заседания происходили под руководством особого выборного председателя. Литературные произведения членов Общества выражались преимущественно в поэтическом творчестве. «Характер поэтических опытов этих молодых людей», по словам проф. Петухова, «отмечен был модной тогда в немецкой литературе сентиментальностью»; любимой поэтической формой были баллады. Второй кружок возник в 1814 г. и просуществовал год; в состав его (16 членов) входили медики, юристы, преимущественно уроженцы Курляндской губернии, таким образом, в противоположность первому он был основан на принципе землячества. Из писанных «статутов» кружка видно, что «эта новая организация не отличалась замкнутостью первой, и доступ в неё обусловлен был лишь согласием 2/3 наличных членов»; в кружок могли вступать и не студенты; «вообще», замечает проф. Петухов, «в нём было менее официальности и принудительности и более было свободы». Этот кружок, кроме литературы, занимался и философией. Впоследствии многие из бывших членов этих кружков приобрели известность в местной литературе.

Переходя к тридцатым и сороковым годам, о которых у нас шла речь, мы встречаемся с кружками, основанными для научных занятий студентов по юриспруденции проф. римского права Отто в 1837 году. Кружок

просуществовал до 1853 г., число его членов простиралось до 40 человек, занятия состояли в чтении рефератов по научным вопросам и в прениях, которые велись между референтом и специальным оппонентом, на обязанности которого лежало изучить более или менее детально затронутый в реферате вопрос; изредка вмещивались в диспут и некоторые из присутствовавших. Собрания кружка бывали почти еженедельно; кружок имел небольшую специальную библиотеку, составившуюся на взносы членов; о продуктивности его работы можно судить по тому, что большинство студентов, получивших медали за сочинения на темы от юридического факультета, состояли членами кружка. В 40-х годах функционировал, хотя и не так регулярно, как только что описанный и другой подобный кружок среди студентов-юристов, основанный проф. уголовного права фон-Мадаи (*Лет.*, стр. 522–25). Описанные студенческие кружки в Дерптском университете стояли в самой тесной связи с аналогичными частными научными кружками и обществами, возникавшими в самой профессорской корпорации и при университете; вообще вся деятельность студентов близко соприкасалась с деятельностью профессоров; научные общества при университете устраивали всевозможные научные экспедиции, ближайшее участие в которых принимали студенты; под редакцией профессора студенты выпускали сборники своих сочинений – так, например, в 1843 г. на средства министерства народного просвещения был издан сборник, составленный под руководством проф. Розберга группой студентов-филологов, «Очерк всеобщей истории древнего мира»; в 1849 г. вышел под редакцией проф. Озенбрюггена сборник статей студентов юридического факультета «*Dorpater juristische Student*».

Итак, описанные студенческие организации в Дерптском университете послужили прототипом для возникших в конце тридцатых годов подобных организаций в других русских университетах и, между прочим, в Петербургском. Около студента Дерптского университета П. Прейса, исключённого оттуда за какую-то уличную демонстрацию, сгруппировались студенты-немцы и образовали корпорацию *Baltika*, основатель русской корпорации (*Ruthenia*) был поэт Н. М. Языков, бывший студент Дерптского университета и основатель там корпорации «*Рутения*». Местом собрания и бесед корпорантов служила шинельная, бывшая в то же время курильной и местом для завтраков. Главная задача корпораций состояла в том, чтобы развить «дух товарищества и солидарности» между студентами, но в то же время они преследовали и цели саморазвития, выдвигая, впрочем, не столько научную сторону,

сколько общественную – университет призван не только двигать науку, но и воспитывать будущих *граждан*. Собирались корпоранты и на частных квартирах: и как в шинельной, так и в своих частных беседах молодые люди разрешали «явления жизни», т. е. волнующие их общественные вопросы. О значении этих организаций в умственной жизни учащейся молодёжи нам говорят воспоминания современников, участвовавших в беседах и собраниях. В то время, как с профессорской кафедры, «вместо истины науки», студентам подносился бессвязный «набор слов и фраз», в то время, как, «вместо живого преподавания», студенты слышали «мертвое чтение из года в год повторяющихся записок» (надо иметь в виду, что Петербургский университет сравнительно долго не мог оправиться от катастрофы, постигшей его при Руниче) – в это самое время на своих собраниях в шинельных студенты встречали нечто другое: «Здесь многие из нас – пишет автор цитируемых воспоминаний («Ист. Вест.», стр. 711–720), – помимо мертвых профессорских лекций получили первые толчки к умственному движению; здесь юноши-студенты, только что оставившие гимназическую скамейку, узнавали о литературных и других живых новостях». Это были товарищеские беседы, нередко тянувшиеся за полночь, «беседы живые, душевные», в которых только чувствовалось равенство и молодость, «презрение ко всему низкому» и «глубокое уважение ко всему честному и высокому». Корпоративное устройство на товарищеских началах не только давало толчки умственному развитию, но способствовало и нравственному совершенству: *veritas* – истина, вот, что было руководящим принципом в корпорациях с их правилами, основанными «на идеях добра и чести». Существование петербургских корпораций было кратковременно, так как здесь они встречали со стороны учебного начальства совсем иное отношение, чем в Дерптском университете. Вспомним, что там они встречали до известной степени даже покровительство и во всяком случае существовали открыто, они возникали при участии и руководстве профессоров – и знаменитый Пирогов нередко председательствовал в Дерпте на собрании корпорантов «с эспадроном в руках»; в других русских университетах такое тесное сближение студентов с профессорами почти было невозможно...

Надо ли говорить, что корпоранты имели огромное влияние на весь строй студенческой жизни: например, не вошедшие в состав организации пытались в свою очередь достичь известного объединения, хотя бы устройством касс взаимопомощи. Корпорации существовали не в одном только Петербургском университете – так, несколько ранее, в конце 20-х годов, была попытка организовать их и при Московском университете,

опять под непосредственным влиянием дерптских студентов, исключённых из тамошнего университета по поводу какой-то истории.

Если в тридцатых и первой половине сороковых годов атмосфера для развития студенческой жизни, чувства самосознания, общественности и самодеятельности, в студенческой среде и не была благоприятна, то, во всяком случае, более или менее сносна. Этому способствовало, прежде всего, некоторое «недоразумение», которое существовало между правительственными сферами и общественным мнением. В сороковых годах министр просвещения граф Уваров, обзревая деятельность университетов, провозглашал наступление «новой эры» в их деятельности и торжество объявленной им программы «официальной народности». Имея в виду профессоров, в роде Погодина и Шевырёва, пытавшихся обосновать теорию «официальной народности» аргументами немецкой философии, он с чувством глубокого удовлетворения и гордости приходит к сознанию, что его былые мечты о истинно русских профессорах-националистах реализовались: «в течение десятилетия – заявляет Уваров – ни один из сих молодых преподавателей не дал правительству ни малейшего повода к сомнению и недоверию» (Милюк. Эн. Сл., с. 791). Но расцвет, которого достигли университеты за этот период господства программы «официальной народности» очень скоро рассеял существовавшее «недоразумение».

Западноевропейские события 1848 г., вызванные демократическими стремлениями к государственному национальному объединению, возбудили опасения, что программа «официальной народности» не будет служить гарантией от вторжения в Россию вредных политических идей Европы – открывається гонение на славянофильство.

По отношению к преподаванию университетской науки и ко всему университетскому строю предпринимается целый ряд ограничительных мер – высшее образование признаётся почти ненужною роскошью. Университетская автономия, данная уставом 1835 года, при заменившем Уварова министре кн. Ширинском-Шихматове почти уничтожается: по Положению 1849 года должность ректора замещается по назначению и притом не из состава профессоров; на эту должность попадают преимущественно лица из военного звания: гусарский полковник, бывший полицеймейстер, отставной капитан-лейтенант и т. д.; профессора и деканы также назначаются и увольняются по усмотрению министерства. С целью оградить русские университеты от чужеземного, западноевропейского влияния воспрещено было приглашать на вакантные кафедры иностранных учёных; с той же целью воспрещается и поездка за

границу для занятий наукой, а для подготовки профессоров учреждается институт доцентов.

Изданные в начале 1850 г. инструкции для всех университетов и других высших учебных заведений устанавливают строжайший контроль за университетским преподаванием: преподаватели перед началом годового курса должны были представлять начальству подробный конспект и программу своих лекций, объяснить объём, последовательность и способ изложения, указать сочинения, которыми будут пользоваться – всё это рассматривалось советом, при чём деканы должны были следить, «чтобы в содержании программы не укрылось ничего несогласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений» и наблюдать, посещая лекции профессоров, заочным выполнением утверждённой программы, доводя до сведения ректора о «*малейшем* отступлении, хотя бы то было и безвредное», т. е. было установлено именно то, что так возмутило и против чего так протестовал когда-то профессор Дерптского университета Бурдах; профессора не должны были примешивать к своим лекциям «рассуждений, не имеющих непосредственно отношения к составу их, а потому бесполезных для студентов», ректор в свою очередь обязан был ежедневно посещать лекции профессоров; он отвечал за предосудительное чтение лекций и обо всём виденном и слышанном должен был доносить через попечителя в министерство; с целью проверить профессора, он мог во всякое время потребовать от лектора его рукописный курс. Инструкция 1854 г. не только требует, чтобы профессорские лекции «ясно и положительно выражали всегда благоговение к святым, преданность государю и любовь к отечеству», но чтобы даже и «учёные диссертации были бы благонамеренного содержания» – чтобы в них не было начал «противных нашему государственному устройству» (*Рождеств.*, стр. 253–266).

Некоторые науки признаются вредными и изгоняются из университетского преподавания. Такому остракизму подвергается, прежде всего, в 1849 году государственное право западноевропейских держав «потрясенных внутренними крамолами и бунтами в самых основаниях своих»; признаётся неблагонадёжной и философия «при современном предосудительном развитии этой науки германскими учеными»: в 1850 г. Высочайше повелевается для ограждения учащегося юношества «от обольстительных мудрований новейших философских систем» упразднить «по нетвердости начал и неудовлетворительности выводов» преподавание философии светскими профессорами; в программах философии были

сохранены лишь курсы логики и психологии, чтение которых было поручено профессорам богословия, причём последние обязаны были составлять свои программы преподавания философии «по соглашению с духовным ведомством»...

Не только преподавание философии, но и политической экономии, истории, даже географии, заподозренных в распространении пагубных западноевропейских идей и опасных нововведений, было урезано и шло в известном направлении: профессор русской истории не смел в лекции упоминать о вечах и ересь XV века, юрист не мог говорить об английских парламентских учреждениях, а профессора всеобщей истории даже о падении язычества и водворении христианства – вместо этого они должны были произносить обличительные слова против реформации и революции и т. д.

Как же шло при таких условиях преподавание «свободной науки»? «Мертвенность и застой» установились в университетах, – отвечают на этот вопрос позднейшие официальные отчёты. Классицизм подвергается гонению на том основании, что изучающие классический мир «увлекаются» его республиканскими учреждениями (Милюк. Оч., стр. 325): «всю греческую и римскую историю до времен Августа, написанную язычниками и республиканскими писателями и оказывающую «вредное влияние на юные умы» опускали, всё же остальное в истории рассказывали в *русском* духе и с *русской* точки зрения; вместо классицизма, усиливается преподавание естественных наук. (Уничтожая латинский язык, Ширинский-Шихматов пытался, однако ввести в гимназиях греческий язык «для основательного изучения творений Святых Отцов восточной церкви»).

Профессора естественных наук, как видно из донесения директора Демидовского лицея Коншина в 1851 г. (Головц., стр. 119–122), уклоняясь «от натур-философских идей», представляли с «красноречивым убеждением»... «созданный Богом мир, как необъятное нескудеющее хранилище всякого рода естественных богатств, собираемых природою таинственными путями, по определенным от Всевышнего законам»... «Бдительный надзор за лекциями, чтение сих последних и ответы студентов при испытаниях вполне убедили» Коншина, что для студентов «ясно и положительно была выражена истина, что в науках естественных развязка непостижимого умом скрывается в небе и лишь объясняется священными верованиями христианина, что земное благоденствие есть дар Божий, а не создание усилий человеческих и что благосостояние нашего могучего отечества может только блюсти самодержавие, этот земной

образ Божий"... «В науках административных», пишет Коншин, «я внушал преподавателям, чтобы они особое внимание слушателей обращали на то, какими мерами в нашем отечестве поддерживается и зиждется безопасность извне, благоденствие и народное богатство внутри и как заботливое око государево, всеобъемлющее, всепроницающее и оживляющее, хочет всюду проникнуть, во всякой нужде подать благовременную помощь"... Министр народного просвещения в 1852 г. докладывает, что «прекращение провозглашения с университетских кафедр мечтательных теорий, под именем философии, с поручением чтения логики и психологии профессорам богословия сроднило эти науки с истинным откровением» (Щегл., стр. 131).

В конце сороковых годов стесняется не только преподавание в университетах, но и самые занятия профессоров наукой: официальным путём регламентируются научные воззрения, которых профессора должны держаться в своих исследованиях (например, в 1852 г. определяется, какого мнения должны ученые держаться в изучении вопроса о годе призвания Рюрика); серьёзные научные сочинения – пагубные плоды западного просвещения, не разрешаются к печатанию или изменяются и переделываются согласно тем тенденциям и понятиям, которых велено придерживаться в учёном мире: так была забракована в 1846 г., вследствие протеста митрополита Иннокентия, диссертация Костомарова «О причинах и характере унии в западной России», диссертация Грановского «Аббат Сугерий» влечёт за собой в 1847 г. объяснение автора с митрополитом Филаретом, диссертация Ешевского «Аполлинарий Сидоний» выходит после просмотра её профессорами богословия с изменениями, появление в свете сочинений Устрялова о Петре Великом задерживается на целых десять лет (1847–58 гг.), факультетской цензурой не пропускается диссертация Чигирина и т. п. и т. д. Учёные общества теряют право выпускать свои издания без цензуры, а это оказывается равносильным полному прекращению их изданий: распоряжения о недопущении к печатанию «разборов существующего законодательства», об учреждении особо тщательной цензуры статей по отечественной истории (кроме общей цензуры, ещё II отделения Е. И. В. Канцелярии) «для предотвращения в них рассуждений о вопросах государственных, общественных и политических», особенно в статьях, касающихся «смутных явлений нашей истории», – влекли за собою закрытие в 1848 г. «Чтений» Московского Общества Истории за перевод сочинения Флетчера о России XVI в., прекращение в 1854 г. этнографического сборника Географического Общества, где печатались народные предания и пр.

(Икон. XI, стр. 95–101).

Оставляя теперь в стороне профессоров, перейдём к студентам, по отношению к которым были применены ещё более репрессивные меры. Та роль, которую сыграла университетская молодёжь в революционных и национальных европейских движениях 1848 года, вызвала опасения и со стороны русского правительства за политическую благонадёжность нашей молодёжи, обучающейся в высших учебных заведениях. В целях исключительно государственных усиливается надзор за студентами и предпринимается целый ряд мер к охране «порядка».

Мы уже видели, какой характер приняло преподавание университетской науки; университетское начальство не останавливается «над измышлением мер к усилению научных работ студентов вне лекций», а наоборот, стремится отвлечь их от умственной деятельности, «от неуместных рассуждений в политических общественных вопросах»; инструкции этого времени считают вполне достаточным для умственного развития учащейся молодёжи «неопустительное посещение лекций и репетиций», почему инспекция, соблюдая лишь формальные требования, ограничивалась «перекличками студентов и сажанием в карцер отсутствовавших».

Но, во всяком случае, в пятидесятых годах невозможно было существование каких-либо студенческих обществ, официально утверждённых или по крайней мере негласно признаваемых, невозможно было уже потому, что в это время считалась «злом превыше всех прочих» только возможность появления у студентов одной мысли, что они составляют «отдельное сословие, имеющее свои права» – в продолжение всего университетского учения студенты «in согре не должны быть допускаемы ни к какому общему изъявлению общей мысли» (Щегл., стр. 130).

Частные студенческие кружки, конечно, существовали и в пятидесятые годы; так был организован в 1850 г. кружок проф. Валицким – здесь участники его, по словам П. И. Вейнберга, почерпнули силы для всей последующей общественной деятельности.

Счастливое исключение в этом отношении по сравнению с другими русскими университетами представляли опять «Афины на Эмбахе», т. е. Дерптский университет. Это исключительное положение в свою очередь надо объяснять не одними местными особенностями внутреннего строя университетской жизни, сложившейся по чужеземному образцу, и всего общественного склада ещё полунемецкой провинции, а также теми благоприятными отзывами, которые министры народного просвещения

давали один за другим о положении Дерптского университета. В 1848 г. гр. Уваров официально докладывал, что «дух университетского юношества соответствует во всех отношениях ожиданиям правительства», что «тишина и благочиние» господствуют в Дерпте, что «изгладилась все следы прежней буйной жизни студентов – этот печальный и бессмысленный осколок германских преданий». Следующий министр Норов в 1855 г. также заявлял, что юношество в Дерпте чуждо политических стремлений и «ныне отличается добропорядочным поведением и скромным образом мыслей» – «студенты суть добродушные, благородные люди, послушные властям, любящие науку"... «Подробно вникнув в корпорации или с одобрения и под наблюдением ректора составленные *Общества для упражнений в науках, дозволенных развлечениях и пр.*», министр находил их непредосудительными и составляющими как бы неотъемлемую принадлежность местного студенческого быта (Рус. Вед. 1902 г., № 346). В виду таких неоднократно даваемых благоприятных отзывов министерством и по настоянию попечителя округа фон-Брадке, считавшего «нежелательным скрытое существование корпораций в видах государственных и административных» это приучало, по его словам, студентов «к действиям, скрываемым от правительства», 13 апреля 1855 года (т. е. уже при императоре Александре II) корпорации получили официальную санкцию; на донесении министра Александр II написал: «корпорации допустить попрежнему, но и начальству строго следить за их действиями»; министерство, однако, не сочло возможным придать корпорациям характер утверждённых организаций – «эти общества попрежнему должны считаться только терпимыми, как частные связи по товариществу, а не утвержденными обществами».

Тем не менее, для корпораций были изданы особые правила, на основании которых корпорации в Дерптском университете существуют и поныне (*Пет.*, стр. 586–88).

В пятидесятых годах корпорация в Дерптском университете является господствующим типом студенческих организаций: кроме ранее перечисленных, в это время возникает ещё целый ряд новых корпораций – *Fraternitas Academia Dorpatensis*, *Arminia* и др. На ряду с корпорациями при университете существуют и просто студенческие общества – ферейны, разрешённые ещё временными «правилами для учащихся» 1834 и 1838 г., например *Gemeinschaft der studierender russischer Nationalität*. Общества эти существовали обыкновенно весьма короткое время и насчитывали небольшое количество членов. (*Пет.*, стр. 596). Продолжает отправлять

свои функции и «Академическая Мусса», бывшая, как мы уже знаем, своего рода университетским клубом, где сходились для совместного препровождения времени профессора, студенты и представители образованного класса городского общества. В сороковых годах Общество переживало критическое время вследствие внутренних неурядиц, должно было даже прекратить на целых двенадцать лет своё существование (возобновило свою деятельность в 1856 г.); временный перерыв деятельности Общества был вызван рядом недоразумений между членами из «публики», т. е. из лиц, не принадлежавших по своему общественному положению к университету, и студентами: публика протестовала против участия в выборах студентов, которые, благодаря своему численному перевесу, оказывали решающее влияние на исход избрания; в связи с этим поднимался вопрос о «несообразности участия студентов в выборах в члены Муссы профессоров» – однако, студенты, в общем «удержали за собою прежние свои права, предоставленные им уставом Академической Муссы» (ibid., стр. 571–73).

В связи с Академической Муссой стояли и возникшие в пятидесятых годах музыкальные кружки: «Университетское Певческое Общество» (Academischer Gesangverein) «Музыкальное Общество» (Orchestverein); в состав Общества входили не только студенты, но и профессора, даже дамы, заведывавшие хозяйственной частью; заседания происходили в актовом зале, между тем как «Академическая Мусса» имела собственное помещение... (ibid., стр. 576).

О существовании в это время в других русских университетах каких-либо аналогичных студенческих обществ мы не имеем сведений.

В это время слишком рьяному в научных занятиях студенту нередко случалось, по словам проф. Владимирского-Буданова (*Вл.-Буд.*, стр. 524), выслушивать такую речь: «Что вы думаете: проверить все науки, произвести великие открытия? Не трудитесь, без вас все уже сделано! За это ни чинов, ни денег не дадут». Начальство, если рекомендовало, то «чуть ли не громко заявляло, что оно сквозь пальцы будет смотреть на трату молодых и свежих сил в разгуле и безнравственных удовольствиях» (*Вл.-Буд.*, стр. 520), и советовало в свободное время искать отдыха в танцах, гимнастике, фехтовании и тому подобных удовольствиях, а не в научных работах и чтении!.. Главное внимание, согласно студенческим правилам 50-х годов, обращается на наружную выправку – инспекция смотрела, чтобы студенты были бы чисто и опрятно одеты по форме (за то, что воротник не был застегнут на все крючки, грозил карцер), отличались бы красивыми телодвижениями, грациозной походкой, хорошими

манерами, чтобы посещали и умели бы себя вести в порядочном обществе и т.д. Этот отечественно-воспитательный характер деятельности инспекции сводился, в сущности, к господству военной дисциплины, о которой мы говорили выше, характеризуя то же направление в тридцатых годах: военные порядки с их «фрунтовой» службой «и экзерцициями», делением студентов на батальоны, маршировкой и пр. стремились лишь к тому, чтобы довести военную выправку учащейся молодёжи до возможного совершенства.

Наряду с этим самым усиленным образом проводятся прежние меры, направленные к ограничению желающих получить высшее образование, которое считается роскошью.

Под видом забот о будущности «подлых людей», которые, «выйдя из круга первобытного состояния без выгоды для себя и государства, встанут не в соответствие с общественным положением», и якобы забот, чтобы с уменьшением числа студентов обучающиеся получали бы «лучшее образование», в пятидесятых годах не ограничиваются уже одними циркулярами об удержании «стремления к образованию в пределах некоторой соразмерности», которые, как мы видели, мало умеряли стремления юношей в учебные заведения высшего разряда, а прибегают к более реальным мерам: возвышается плата за учение, ограничивается комплект своекоштных студентов в университетах до 300, упраздняются «приватные слушатели», вводят строгие приёмные экзамены с целью «положить начало постепенному очищению» университетов от интеллигентного пролетариата и поддерживаются сословные ограничения – детям благородного сословия, «потомкам древнего рыцарства», усиленно рекомендуется искать «службы военной перед службой гражданской»: «на сей конец им открыта возможность поступать в ряды войск, для чего университетское образование не есть необходимость» – говорится в одном распоряжении 1850 г. (*Мил. Оч. II*, стр. 325).

Правительство, с другой стороны, строго следит, чтобы молодые люди, прошедшие университетский курс, не уклонялись бы от государственной службы и не вступали бы на «скользкое поприще» литературной работы, подвергаясь влиянию «неблагонамеренных издателей периодических сочинений».

Установившийся в университете порядок по всеобщему голосу современников и позднейших официальных отчётов привёл к сильному упадку научной деятельности университетов и общего уровня образования массы тогдашнего студенчества. У большинства профессоров, по свидетельству историка Петербургского университета, не было «ни духа

науки, ни ученого достоинства» (Григор., стр. 68). Не могли, конечно, иметь нравственного влияния на студенческую среду такие примеры, когда профессор в присутствии сановника на лекции порицал *существование* римской республики, выставляя потом слушателям такую лекцию, «как образчик великой житейской науки – умнее ходить в лисьей шубе». (Вл.-Буд., стр. 521). Проф. Григорьев так характеризует умственный уровень и знания тогдашних студентов: «Жиденькое знание профессорских тетрадок или печатных учебников, испарявшееся со сдачею каждого экзамена и оставлявшее в голове только название пройденных наук, смутное представление об их содержании и объеме, да случайно застрявшие в памяти факты и положения: – вот все, что обыкновенно выносили тогда студенты из университетов» (стр. 184). Общий колорит тогдашней студенческой жизни носит характер пустоты и праздности. Студент был враг полиции, уличных фонарей и гуляка – так характеризует студенческую жизнь к концу сороковых и даже пятидесятых годов Владимирский-Буданов и приводит целый ряд характерных примеров того, как студенты даже в университетах оставались в «примитивной безграмотности» (стр. 428). Что это было до известной степени так и в действительности, можно иллюстрировать на примере студенческих песен.

Возьмём современные студенческие песни. Доминирующим мотивом в них является тоска и чувство неудовлетворённости или бодрая уверенность в силах молодости и в светлом будущем: «Не осенний мелкий дождичек брызжет, брызжет сквозь туман, слезы горькие льет молодец на свой бархатный кафтан... дни веселья, дни радости отлетели далеко... полно, брат молодец, ты ведь не девица, пей, тоска пройдет» так поётся в одной студенческой песне. «Из страны, страны далекой – с Волги матушки широкой – ради вольности веселой, ради славного труда собирались мы сюда. И в стране, стране чужой мы пируем пир веселый, и за родину мы пьем...первый тост за наш народ, за святой девиз вперед"... – поется в другой столь же известной песне. «Не плачьте над трупами павших борцов, слезой не оскверняйте их прах» – поётся в третьей (марш, исполняемый в концертах студенческим хором под управлением Манькина-Невструева). Вот какие песни распевались студентами Киевского университета в пятидесятых годах: «То с бутылкой, то с ланцетом, то с рапирой, то с пером, то с улыбкой и приветом, то с поднятым кулаком. Лейся ж шумно и привольно, жизнь студенческая моя, и разгульно и раздольно, как Днепровская струя (Влад.-Буд., стр. 621). Какая большая разница и в настроении и в идеалах! Конечно, не все

студенты подходят под такую общую характеристику: и это тяжёлое время развивалась студенческая самодеятельность, но она развивалась в тиши и в период гонения университетов, люди пятидесятых годов были, по словам проф. Григорьева, обязаны «более себе самим».

Но как бы силён не был регресс в общем умственном развитии в период реакции, как бы ни падала просветительная деятельность университетов в период гонений, когда вся энергия и усилия уходили на борьбу с задерживающими препятствиями, всё же и тогда эти единственные хранители принципов свободной науки оставались верными своим задачам: в 1850 г. и профессорская корпорация Московского университета всё-таки избрала Грановского – вместо него министерством был назначен Шевырев. Мы не должны упускать из внимания, какое огромное общественное значение имели в сороковых и даже в пятидесятых годах публичные лекции таких московских профессоров, как Грановский и Соловьев; правда, с 1848 г. публичные лекции разрешались уже редко, но тем большее значение приобретают те частные курсы, которые читали у себя на дому эти профессора кружкам молодёжи; не должно забывать, наконец, о том, какое огромное нравственное влияние имели на своих питомцев эти обаятельные личности – представители не только науки, но и лучшие общественные работники на пользу родины, и как завещанные ими идеалы ученики проводили потом в жизнь...

С воцарением императора Александра II новые веяния проникли в русскую государственную и общественную жизнь; гуманно-освободительное движение шестидесятых годов, получившее наименование «великой эпохи реформ» и положившее основы жизни новой, молодой России, ознаменовалось редким оживлением русской мысли и подъёмом общественного самосознания; всеобщее оживление отозвалось и на деятельности университетов; окончилось гонение и все стеснительные, так сказать, исключительные меры, принятые против университетов в последние годы предшествующего царствования, одна за другой были отменены; в первые года царствования, когда особенно интенсивно развивалась образовательная деятельность правительства и проводились в жизнь коренные реформы, ставшие краеугольным камнем современного общественного строя, и когда сильное воздействие реакционной партии ещё не успело ограничить развитие прогрессивных начал, положенных в преобразовательную программу нового царствования, тогда изменился и весь ход учебной жизни в государстве.

В основу новой учебной системы кладутся не «узкие утилитарные цели и разного рода административные планы и политические

соображения, а задачи общего широкого и научного образования» – правительство стремится довести преподавание в университетах до высоты европейской науки: увеличиваются научно-образовательные средства университетов, и расширяется контингент получающих высшее образование; ограничительные меры 1850 г. о приёме в университеты одних дворян сменяются постановлением 1855 г. о неограниченном доступе слушателей в «храмы наук».

Чрезвычайно характерно, что в связи с общественным движением начала царствования мы встречаемся и с пробуждением студенческой жизни в русских университетах. Уже в 1856 г. в Петербурге возникает кружок студентов, ставящий своей целью объединение; этот кружок предпринимает издание «Студенческого сборника», куда входят «оригинальные сочинения ученого характера, подобного же рода переводы и мелкие историко-литературные заметки». Первый выпуск сборника под главной редакцией адъюнкта М. И. Сухомлинова – впоследствии известного академика, вышел в 1857 г., второй, через три года и третий в 1866 г. Имена авторов, принимавших участие в составлении сборника, принадлежат к числу выдающихся русских писателей и учёных: Л. И. Майков помещает там «Заметки о Грибоедове», Д. И. Писарев статью о «Вильгельме Гумбольдте», Л. С. Фаминцын: «Организм на границе животного и растительного мира» и т. д. Сборник оказывает огромное влияние на пробуждение умственных интересов в студенческой среде и вызывает появление целого ряда самостоятельных печатных работ студентов, как, например, в 1859 г. известной работы И. Лазаревского и Я. Утина под заглавием «Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права». В то же время этот кружок влияет на объединение остальной студенческой массы – он влечёт устройство кассы взаимопомощи бедных студентов и в связи с последней устройство всевозможных концертов и публичных лекций (*Рудак.*, стр. 1153). Мы имеем сведения также о литературных работах студентов Киевского университета, которые составляют «Сборник сочинений студентов» при издававшихся с 1861 г. «Университетских Известиях».

Студенческие волнения 1857–59 гг. и беспорядки 1861–62 гг., повлёкшие за собой закрытие университетов, заставили ускорить проведение университетской реформы.

Вся прошлая жизнь наших университетов дала хороший пример реформаторам – она наглядно показывала, к какому упадку высшего образования приводили бюрократические попытки стеснить академическую свободу, и какого развития оно достигло при автономной

деятельности университетов. Устав 1863 г., устроивший университеты по образцу западноевропейских, даровал автономии профессорской корпорации, и университеты сделались, таким образом, самоуправляющимися учреждениями. Новый устав ставил своей целью усилить «самодеятельность ученого университетского сословия и влияние его на студентов», но признавая необходимость сближения профессоров со студентами, он, тем не менее, студенческой среде не дал корпоративной организации. Рассматривая студентов, как «отдельных посетителей университета», устав 1863 г. не допускал «никакого действия их, носящего на себе характер корпоративный» – он запрещал всякого рода собрания, студенческие кассы, библиотеки, читальни и т. д. Таким образом, официально положение студенчества по сравнению с предыдущим временем мало изменилось, и это объясняется не только тем, что «устав, в своей окончательной форме, менее интересовался вопросами, относящимися к студентам, чем вопросами об устройстве профессорской корпорации» и что «коренные черты студенческого быта менее поддавались уставной реформе», но главным образом тем, что в принципе было признано вредным придавать формальный характер студенческим организациям, так как в упомянутых выше студенческих волнениях, под влиянием всеобщего общественного возбуждения, особенно сильно проявилось действие корпоративных начал, и тогда ещё, согласно «матрикулам», изданным министерством в 1859 г., запрещено было даже начальству входить в какие-либо переговоры и объяснения с депутатами от студентов.

Правда, при обсуждении многочисленных проектов нового университетского устава, много говорилось об отношении университета к студентам и в связи с этим раздавались голоса сторонников университетской автономии за то, чтобы и студентам дать возможность «группироваться в товарищества и кружки под наблюдением и за ответственностью университетского начальства», но, тем не менее, даже знаменитый Пирогов, считавший «развитие науки» главнейшей целью университета, а «свободу научных занятий и сношений профессоров и студентов единственным средством» для достижения этой цели, и полагавший в то же время, что студенческие волнения являются «неизбежным результатом данного состояния общественной жизни», так как университет «есть лучший барометр общества», не признавал возможным предоставить существующим корпоративным организациям среди студенчества «легальное существование», хотя, по его мнению, эти организации и были вполне естественны и необходимы... Итак, устав 1863

г. не дал студентам корпоративной организации, но с этих пор вопрос об устройстве студенческого быта был поставлен на очередь.

Министр народного просвещения Сабуров, сменивший гр. Толстого, который в своих законопроектах относительно университетской реформы проводил бюрократические тенденции, решил «с целью успокоить молодежь», вести «диаметрально противоположную политику и дать дальнейшее развитие университетского устава 1863 года по отношению к организации студенчества» (*Милюк. Эн. Сл.*, стр. 792–95, и «Очерки» II, стр. 330).

В Московском университете выборные по курсам представители студенчества выработали проект будущего корпоративного устройства, и новые студенческие учреждения начали даже свою деятельность: общестуденческая организация, получившая официальное разрешение, заключалась в устройстве курсовых, факультетских и общеуниверситетских собраний, в учреждении факультетских и общестуденческих касс взаимопомощи и библиотек; на ряду с этими организациями в описываемое время не преследовались и землячества, хотя официального разрешения они никогда не получали; при Московском университете их появляется, по словам гр. Капниста (*Вест. Евр.* 1903 г., XI, стр. 195–6), несколько десятков с весьма значительным числом студентов; деятельность землячеств объединялась «Союзным советом землячеств», или «исполнительным центральным комитетом» из делегатов (*Ibid.* стр. 203).

В это время мы встречаемся и с попытками организовать студенческие научные общества, – с попытками, впрочем, не всегда принимавшими реальную форму.

О такой неудачной попытке мы узнаём, между прочим, из истории Демидовского лицея в Ярославле. В 1871 г. ректор лицея М. Н. Капустин обратился к тогдашнему министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому с просьбой разрешить «еженедельные собрания профессоров со студентами в читальне лицея для серьезного чтения и научных бесед»; по мнению Капустина, устройство таких бесед должно было служить «отвлекающим средством от праздного и пошлого времяпровождения»; ходатайствуя об открытии еженедельных бесед, Капустин давал обещание «избегать всего, имеющего корпоративный характер», например, общей складчины профессоров и студентов на чай и т. д. Министр согласился на предложения Капустина, но при условии, «чтобы на этих собраниях не было посторонних лиц и директор взял бы на себя ответственность за тактику и спокойствие на собраниях». В виду таких ограничений

Капустин, считая, что «всякое предварительное регулирование предполагаемых бесед неизбежно ослабит добрую волю и энергию педагогической корпорации лицей», отказался от мысли устраивать студенческие научные беседы (Щег., с. 233–34).

Несколько позже, когда в министерстве, как мы упоминали, был снова поднят вопрос об учреждении студенческих обществ в связи с введением корпоративного устройства студенческого быта, возникает научно-литературное студенческое общество при Петербургском университете. Это общество, учреждённое в 1882 г. при ректоре И. Е. Андреевском, и было то знаменитое общество, которое так хорошо у нас известно под именем «Общество проф. Ореста Миллера». Устав его, отпечатанный с разрешения университетского совета, гласил: «Научно-литературное Общество состоит в ведении университетского начальства и под почетным председательством попечителя учебного округа. Ректор университета есть *непременный* член Общества и в отсутствии попечителя или по соглашению с ним имеет право принять на себя председательство в том или другом заседании. Общество имеет целью содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая научные рефераты и литературные чтения, предпринимая переводы иностранных научных сочинений и издания в виде сборников или отдельных брошюр лучших студенческих диссертаций и научно-литературных статей, приискивая научно-литературные занятия студентам, принимающим участие в деятельности общества, и выписывая научные и литературные журналы и наиболее необходимые для университетских занятий сочинения для пользования своих членов». Общество просуществовало до 1887 года.

О деятельности его мы имеем очень краткие сведения, сообщённые в печати одним из бывших его членов, принимавших близкое участие в работах общества, – г. Сыромятниковым (Сигма).

Из этого сообщения мы узнаём, между прочим, и заглавия некоторых рефератов, прочитанных в заседании общества: так Ф. А. Браун читал о Беовульфе, А. М. Ону – о школе в Константинополе, Е. В. Петухов – о народных пересказах Тараса Бульбы, Н. Д. Чечулин – о московском университете и собрании воспитанников благородного пансиона в XVIII веке за первое пятилетие его существования, Муромцев – о студенческих кружках в Вене, Сыромятников – по поводу 500-летн. юбилея Гейдельбергского университета и др... (Руд., с. 1154).

После этого Общества ни о каких других студенческих научных легальных организациях уже не слышно до самого последнего времени.

Направление, которое приняла наша государственная жизнь,

разрешило совершенно в отрицательном смысле вопрос об устройстве студенческого быта на корпоративных началах и положило конец всем подготовительным мерам, принятым в этом направлении. Бюрократический университетский устав 1884 г., изданный при условиях, соответствующих более духу времени конца сороковых годов, направлен был к ограничению университетской автономии и стеснил даже «самоуправляющую профессорскую корпорацию» – эта центральная идея предшествующего устава была почти упразднена.

По отношению к студенческой среде устав 1884 г., усиливший полицейский надзор за студентами, безусловно, запретил устройство в зданиях университетов студенческих читален, каких-либо публичных собраний, чтение и т. д., подвергалось особому запрещению участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках.

Но студенческая жизнь не уложилась в предназначенные ей уставом рамки: восьмидесятые годы и последующее время являются периодом господства негласных форм студенческих организаций – землячеств с их библиотеками, кассами, беседами и т. п.; это было время образования никому не известных кружков самообразования. Все эти студенческие союзы, создавшиеся для удовлетворения столь существенной потребности студенческой среды в корпоративной жизни, выработали себе определённые традиции, которые передавались от одного университетского поколения к другому, тем самым поддерживая в студенчестве корпоративный дух и способствуя развитию существующих корпоративных учреждений.

Так было во всех университетах за исключением Дерптского, который до начала 90-х годов сохранял ещё своё исключительное положение, хотя по законоположениям был уже приближен к типу других русских университетов. В Дерптском университете и при введении устава 1884 г. начальство, относясь с доверием к юношеству, разрешало (помимо корпораций) устройство различных обществ, как научных, так и взаимопомощи. Уставы этих обществ предоставляли студентам «полный простор самодеятельности», а с внешней стороны они не были «стеснены никакими мелочными придирами»; контроль университетского начальства ограничивался требованием полугодового отчёта о состоянии касс и библиотек обществ, о личном их составе, о темах, на которые читались рефераты и т. д. (*Рус. Вед.* 1902 г., № 346).

В конце 80-х и в начале 90-х годов почти на всех факультетах устраиваются студенческие кружки, преследующие главным образом научные цели и руководимые кем-либо из профессоров. Об одном из

кружков мы имеем и печатные сведения.

В начале 1890 года по инициативе студентов Буша, фон-Гернета и Рорбаха, при ближайшем участии профессоров Гаусмана и Брикнера, возник «исторический кружок», устав которого был официально утверждён. Этот кружок – Historischer Verein – ставил своей задачей «объединение дерптских студентов на почве серьезного научного общения, преследуя общее образование, в то же время отнюдь не исключая ни одного из разветвлений исторической науки». Занятия кружка состояли в чтении рефератов, в совместном ознакомлении с историческими первоисточниками и в беседах.

Рефераты, согласно уставу, должны были следить за всем выдающимся в современной исторической литературе, за деятельностью научных обществ и во всяком случае «обязаны» знакомить с ходом работ «Общества древнегерманской истории», Мюнхенской комиссии и «Рижского Общества истории и древностей» (такой пункт, конечно, объясняется местным интересом немецкой части дерптского студенчества). Для успешного достижения намеченных целей кружок выбирал из *своей* среды «научную комиссию». Доклады читались с одобрения всего кружка, вопрос о принятии реферата решался простым большинством голосов; членами кружка могли состоять студенты всех факультетов; из *своей* среды члены избирали председателя, который являлся официальным представителем кружка и руководителем прений на собраниях; вице-председатель вел протоколы заседаний, заведывал кассой и библиотекой; первым председателем был, между прочим, *студент* фон-Гернет. Заседания кружка происходили каждые две недели, и присутствовать на них могли даже посторонние гости.

Членов исторического кружка было сравнительно немного – всего 24 человека, а работа, по-видимому, шла успешно. За два года существования кружка было прочитано 24 реферата на темы: развитие папства, мемуары г-жи Ролан, взгляд Нитцше на развитие Германии, С. М Соловьёв, три утопических государства: Платона, Томаса Мора и Компанелли, отрывки из хроники Титмара и др...(*Историч. Обзор*. т. IV. Хроника, стр. 364–66).

Как только что описанный исторический кружок, так и другие подобные кружки в Дерптском университете имели, по свидетельству участвовавших в них, огромное воспитательное значение для студенческой среды; эти кружки служили не только средством «общения» студентов, но являлись и крупными факторами в деле развития их умственных интересов и расширения общественного кругозора. Вот такое впечатление вынес от них русский студент, занесённый в Дерптский

университет «бурею житейского моря» (*Мир Божий*. 1902 г., № 3).

«Сколько зеленых юношей, прибывших туда с неясными порывами, с неустановившимся характером, с ничтожным запасом идей, через четыре года уходили готовыми людьми с более или менее определенным мировоззрением, с развитым инстинктом общественности, уверенными в своих силах, испытанных уже в мирной работе, в нормальных условиях борьбы противоположных мнений» – пишет в своих воспоминаниях Е. Деген.

Вообще русский студент встречал в Дерптском университете несколько непривычную для себя обстановку – здесь царила «атмосфера чистой науки», отношение профессоров к слушателям носило особенный характер взаимного уважения и симпатий и т. д.

Впрочем, уже на глазах автора цитируемых воспоминаний, в начале 90-х годов Дерптский университет подвергся существенным переменам – открылась эра усиленной его русификации, повлекшая за собой падение образовательного значения этого былого рассадника для России умственных сил и хранилища в течение столь долгих лет умственной свободы.

В 90-х годах под влиянием новых веяний, изменяется состав профессоров – лучшие из них уходят, в профессорскую среду стали попадать даже лица «без соответствующего научного ценза»; параллельно с внешними изменениями и «торжеством новой эры» происходит также эволюция в физиономии русского студенчества в Дерпте: сюда стали являться лица, «не одолевшие науки в других университетах», но сознававшие себя зато «носителями русской культуры». Значение «Афин на Эмбахе», служивших «мостом, по которому проходила издавна уже окрепшая в Германии наука в новые ее (русские) рассадники», пало; но вскоре, однако появились признаки наступления в недалеком будущем для русских университетов новой эры.

Бюрократические тенденции, проникшие в академическую жизнь, слишком часто нарушали спокойное её течение и вызвали тяжёлые осложнения. Хотя «студенческие волнения» – как это было указано советом С.-Петербургского университета при обсуждении университетской реформы в последнее время – «зависят не только от причин внутреннего характера, коренившихся в строе университетской жизни, но также и от различных нынешних обстоятельств, которые не могут быть устранены никакими изменениями в уставе, тем не менее, студенческие desiderata об академической свободе и о корпоративных организациях всегда занимали в них видное место. Чтобы устранить эти

ненормальности в академической жизни, столь вредно отзывающиеся на научной деятельности университетов, после волнений 1896 года в общей печати было указано на необходимость возвращения университету автономии, при которой только университет и может быть «не канцелярией», а «связным целым, могущим умственно и нравственно руководить студенческой жизнью»; к такому же выводу пришло и расследование в 1899 г. ген. Ванновского, обнаруживавшее, говоря словами правительственного сообщения, «что в самом строе и внутренних порядках высших учебных заведений существуют общие причины, содействовавшие возникновению и распространению беспорядков, давая для них готовую почву: главнейшие из них – разобщенность студентов между собою, с профессорами и с учебным начальством».

Университетская реформа была поставлена на ближайшую же очередь Высочайшим рескриптом 25 марта 1900 г., который признавал «благовременным безотлагательно приступить к коренному пересмотру» нашего учебного строя. К разрешению этой «назревшей задачи», как известно, тотчас же было приступлено. (Милюк. Энци. Слов., стр. 796–98). 30 декабря 1901 года были опубликованы «Временные правила организации студенческих учреждений», согласно которым начальству высших учебных заведений предоставлялось по ходатайству студентов разрешать открытие студенческих кружков для научно-литературных занятий, кружков для занятий искусствами, ремеслами и разного рода физическими упражнениями, а равно студенческих столовых, чайных, касс (взаимопомощи, судоберегательных, вспомоществования), попечительств с целью приискания занятий для недостаточных студентов, библиотек и читален.

Опубликованный за два года перед тем министром Боголеповым в июле 1899 года циркуляр попечителям учебного округа определил уже задачи вновь учреждаемых обществ. Указывая, что главнейшей причиной, содействующей возникновению студенческих беспорядков, является «разобщенность студентов между собою, с профессорами и учебным начальством», циркуляр ради «установления желательного общения между студентами и педагогическим составом высших учебных заведений» рекомендует «учреждение, под неперменным ответственным руководством профессоров научных и литературных кружков». Таким образом, вновь учреждаемые студенческие общества должны были, с одной стороны, служить средством «общения» между студентами и профессорами «на почве учебных потребностей», а с другой – устанавливать «спокойствие» в академической жизни университетов.

На основании этих «временных правил» при университетах за последнее время возник целый ряд студенческих научных обществ. Мы ограничимся здесь только кратким, приблизительным перечислением существующих обществ, о деятельности которых проникли сведения в периодическую печать. В Петербургском университете с 29 октября 1901 г. начал функционировать «адвокатский кружок студентов»; как показывает самое название кружка, он преследует преимущественно практические цели – подготовить своих членов к будущей адвокатской деятельности. Затем студенты участвовали в вышедшем под редакцией пр.-доц. Никольского «Сборнике», организовали в настоящее время кружок изящной словесности. О существовании каких-либо других студенческих кружков при Петербургском университете нам не удалось собрать сведений. При Харьковском университете существуют кружки философско-богословский, историко-филологический, политико-экономический, кружок для занятий государственными науками, для занятий гражданским правом и судопроизводством, уголовным правом, для занятий психологией художественного творчества и научно-литературный для «изучения природы». При Киевском университете существует философский кружок, образовавшийся из «психологического семинария» (проф. Челпанова), организуется историко-этнографический кружок и философско-юридическое общество, которое будет подразделяться на секции: литературную, философскую, экономическую и общественно-юридическую; в текущем академическом году намечен был ряд кружков при Новороссийском университете; образовался пока кружок для занятий математическими науками и кружок научно-химический. При Казанском университете существует медицинское Общество, занявшееся между прочим разработкой вопроса о материальной стороне студенческого быта. Особенно интенсивную деятельность в этом отношении развил Московский университет. Открывшееся в прошлом году историко-филологическое Общество и насчитывающее до 1.000 членов выделило из себя ряд секций: философскую, историческую, классическую, литературную, общественных наук, криминалистов, цивилистов, подсекции южных и западных славян; существует, кроме того, Общество исследователей русской природы, Общество изящных искусств, в свою очередь разделившееся на несколько секций; Общество медицинское, гимнастическое и, наконец, кружки всевозможных мандолинистов, гитаристов, балалаечников и т. д. – даже шахматистов. Такого же рода кружки возникают и при высших специальных учебных заведениях, напр. литературный кружок при Киевском политехникуме и др.

Организация всех этих обществ, приблизительно, повсюду одинаковая: заведует делами общества выборное студенческое бюро под председательством избранного членами представителя педагогического персонала; члены, в состав которых могут входить все лица, причастные к университету, а не одни только студенты, выбираются баллотировкой (для поступления в некоторые кружки, впрочем, требуется своего рода специальный научный ценз); согласно своим уставам общества, помимо обычной своей деятельности, выражающейся в устройстве заседаний с чтением и дебатированием рефератов или исполнительных собраний, организуют экскурсии, библиотеки, читальни, издают периодические сборники и т. д.

Наряду с этими обществами при университетах возникают постепенно и студенческие кассы взаимопомощи и другие подобные учреждения, ставящие своей непосредственной целью – улучшить материальное положение студенчества (правда, всё это ещё пока в крайне миниатюрном виде); вводятся, наконец, в некоторых университетах и других высших учебных заведениях курсовые организации с выборными старостами и кураторами из профессорской среды, на которых, согласно инструкциям министерства, возложена обязанность, между прочим, следить, чтобы курсовые и факультетские совещания (последние – если на факультете не более 300 человек), созываемые каждый раз по особому разрешению, для обсуждения вопросов, касающихся студенческих учреждений, не уклонялись бы от непосредственных своих задач. Исключительно при Московском и Дерптском (в текущем году) университетах, кроме того, учреждена специальная «комиссия по студенческим делам», которой предоставлено право собирать курсовые студенческие собрания для обсуждения некоторых вопросов, возникающих в академической жизни.

Совсем особое место также занимает возникшая среди студентов Томского технологического института и утверждённая министром народного просвещения корпорация «Труд и Надежда». Назначение её, согласно уставу, – «содействовать развитию здорового товарищеского общения и упрочения дружеских связей между ее членами на началах укрепления в них любви к науке, уважения к законности, духа порядочности и честного образа мысли». Стремясь развить в своих членах «умственную и нравственную зрелость» и подготовить их к полезной деятельности для отечества, корпорация «никоим образом не преследует политических целей». Собрания носят «семейный характер», и в них «безусловно, не допускаются разговоры противоположительного

характера». В корпорации существуют: суд чести, комитет уполномоченных, общее собрание, все выборные лица утверждаются директором института, корпорация собирается на собственной квартире, имеет библиотеку, каталог, который представляется директору института, и т. д. (*Курьер*, 27 октября 1903 года). Аналогичную студенческую корпорацию под наименованием «Единение – сила» разрешено было учредить при Новороссийском университете; согласно уставу корпорация «не может преследовать других целей, кроме взаимной и нравственной поддержки и товарищеского единения членов на почве совместного труда, самообразования и разумных развлечений». Записалось в члены корпорации сравнительно мало лиц – около 60 студентов...(*Рус. Вед.* 1904 г., № 70).

Из всего сказанного ясно, что академическая жизнь в университетах приняла несколько отличный характер от предыдущих лет с тех пор, как официально признана законность корпоративного устройства студенческого быта. Подводить итоги деятельности всех упомянутых студенческих обществ и учреждений, конечно, ещё преждевременно; несомненно, многие из них имеют или слишком специально-научный или, наоборот, совершенно ненаучный характер; трудно признать также за всеми ими общественное значение, а главное хотелось бы думать, что они не имеют в виду навязывать студенчеству взгляды их официальных руководителей. Пусть студенческие Общества стремятся помочь студентам выработать цельное мировоззрение – в этом их истинная задача, с этим связано, как показывает предшествующее изложение, и их общественное значение.

Высказывая подобный взгляд, мы, однако нисколько не обольщаемся относительно роли студенческих кружков в науке университета и образованного общества. Кружки имеют узкое, чисто студенческое значение и в лучшем случае могут быть школой общественного воспитания, – учить говорить публично, схватывать возражения противника, метко отвечать на них, подобно ученическим диспутам, которые имеют место в английских колледжах. Прежде всего, самые уставы ставят вопросы, подлежащие обсуждению, в узкие рамки; затем, так как дело ведётся учителями и учениками, то вполне естественно, что ученики подчиняются авторитету учителей, а кто не знает, как далеки от идеала и, что ещё горше, от жизни многие представители нашей официальной науки?

Источники

Д. Толстой. «Академический университет в XVIII столетии».

Иконников. «Русские университеты в связи с ходом общественного образования». *Вестник Европы* 1876 г., кн. IX, X, XI.

Милюков. «Очерки по истории русской культуры». Часть II и III, вып. 2.

Его же статья «Университеты в России». Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона, т. 68.

В. Якушкин. «Из истории русских университетов в XIX веке». *Вестник Воспитания* 1901 г., кн. 7.

Рождественский. «Исторический обзор деятельности мин. нар. просвещения 1802–1902 г.».

Ключевский. Литографированный курс лекций, т. III.

Сухомлинов. «Статьи и исследования», т. I.

Рудаков. «Студенческие Общества». *Историческ. Вестник* 1899 г., кн. 12.

Пытин. «Общественное движение в России при Александре I». *Пытин.* «В Г. Белинский», т. I.

Булич. «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века».

Шевырев. «История Московского университета».

Биографический словарь профессоров Московского университета.

Сушков. «Моск. универ. Бл. Пан. и воспит. Московского университета».

И. Л. Тимковский. «Воспоминания о Московском университете. Памяти Шувалова». *Москвитянин* 1851 г., №№ 9–10.

Воспоминания о Салареве.

Неустроев. «Исторические розыскания о русских повременных изданиях и сборниках 1703–1802».

Кропотов. «Жизнь графа М. И. Муравьева».

Я Грот. «Старина Царскосельского лицея».

Григорьев. «С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет».

Богалий. «Опыт истории Харьковского университета».

Владимирский-Буданов. «Истории университета св. Владимира».

Булич. «Из первых лет Казанского университета».

Шпилевский. «Заботы Александра I о Казанском университете».

Залеский. «К столетию Имп. Каз. унив.» *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1903 г. №№ 10, 11. *Аксаков.* «Семейная хроника воспоминаний», т. II.

Петухов. «Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за первые сто лет существования 1802–1902 гг.»

К. Головщиков. «П. Г. Демидов и история основанного им в Ярославле

училища высших наук».

Щеглов. «Высшее учебное заведение в Ярославле».

Из записок *В. Н. Свербеева.* «Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым». *Рус. Ар.* 1871.

И. Б-в. «Университет и корпорации». Отрывок из воспоминаний. *Историч. Вестник* 1880 г., №4.

«Студенческие корпорации в С.-Петербур. университете 1830–40 гг. Из воспоминаний бывш. студента». *Рус. Стар.* 1881 г., №2.

«Петербург. университет полвека назад». Воспоминания бывшего студента *А. Ч. Русский Архив.* 1888 г., №9.

Е. Дегень. «Воспоминания Дерптского студента». *Мир Божий* 1902 г., №3.

Историческое обозрение. Сборник Истор. Общ. при С.-Петербур. университет. под редакцией *Н. И. Кареева*, т. IV. Кроме того, автор пользовался своими статьями, напечатанными в *Русских Ведомостях*: «Столетие Дерптского (ныне Юрьевского) универс. 1902 г., №№ 343, 346». «Из истории журналистики» 1903 г., № 102. «Столетие Демидовского лицея», 1903 г., №239. Некоторые источники будут указаны ещё в тексте.

Содержание

Сергей Петрович Мельгунов Из истории студенческих обществ в русских университетах Сергей Петрович Мельгунов	1
---	---